

Библейско-богословская коллекция
БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Епископ Каневский
СИЛЬВЕСТР
(Малеванский, 1828–1908)

Некролог

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство “Аксион эстин” (<http://www.axion.org.ru>).
Санкт-Петербург, 2006.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2006

Преосвященный Сильвестръ, бывшій епископъ Каневскій, ректоръ Кіевской духовной Академіи (1828—1908 г.).

Въ ночь на 12 ноября 1908 года тихо почилъ преосв. Сильвестръ, бывшій епископъ Каневскій, викарій Кіевской епархіи и ректоръ Кіевской духовной Академіи. Въ лицѣ скончавшагося архипастыря православная церковь, богословская наука и наша Кіевская Академія лишились выдающагося и во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго своего представителя. Своею ученою, профессорскою и церковно-административною дѣятельностію почившій оставилъ, безъ сомнѣнія, глубокіе слѣды въ исторіи русской богословской мысли новѣйшаго времени и въ жизни Кіевской духовной Академіи. Какъ личность самобытная и оригинальная, преосв. Сильвестръ обладалъ рѣдкимъ талантомъ и счастливою способностію оказывать сильное вліяніе на людей, окружавшихъ его и работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, или подъ его руководствомъ. Благодаря этому, онъ создалъ въ Кіевской Академіи свою особенную, „сильвестровскую“ школу. Духъ этой школы чрезъ посредство своихъ преданныхъ учениковъ преосв. Сильвестръ распространялъ и за предѣлы Кіева. Такимъ образомъ, почившій архипастырь, не смотря на свое скромное положеніе викарнаго епископа, оказывалъ вліяніе на жизнь и всей православной русской церкви и нашей духовной школы черезъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, среди которыхъ были и есть много замѣчательныхъ и выдающихся церковно-общественныхъ дѣятелей. Поэтому, полная оцѣнка дѣятельности и заслугъ почившаго архипастыря можетъ быть сдѣ-

лана только послѣдующими историками русской церкви и ближайшимъ образомъ Кіевской духовной Академіи. Цѣлю своею настоящаго некролога мы поставляемъ сообщеніе біографическихъ свѣдѣній о почившемъ архипастырѣ, а также характеристику нѣкоторыхъ изъ болѣе выдѣляющихся сторонъ его профессорской и ректорской дѣятельности, на основаніи личныхъ нашихъ наблюденій и знаній.

Преосв. Сильвестръ назывался въ мірѣ Стефаномъ Васильевичемъ Малеванскимъ. Онъ былъ сынъ священника волынской епархіи и родился 9 января 1828 г. Первоначальное свое образованіе онъ получилъ въ духовныхъ школахъ Волыни, закончивъ курсъ семинаріи въ 1847 г. Отличаясь уже тогда слабымъ здоровьемъ, С. В. Малеванскій долженъ былъ послѣ окончанія семинарскаго курса нѣкоторое время провести въ отцовскомъ домѣ, пользуясь отдыхомъ. Черезъ годъ съ небольшимъ, 7 ноября 1848 г. онъ поступилъ сельскимъ священникомъ въ одинъ изъ приходовъ волынской епархіи. Приходская служба его была очень непродолжительна. Скоро онъ овдовѣлъ и велѣдъ затѣмъ, въ августѣ 1853 г., поступилъ въ число студентовъ Кіевской духовной Академіи. Въ Академіи молодой священникъ, предавшійся всецѣло серьезнымъ научнымъ занятіямъ, зарекомендовалъ себя съ наилучшей стороны. Къ сожалѣнію, обычная слабость здоровья его скоро осложнилась серьезною и тяжкою болѣзнію глазъ. По разсказамъ самого почившаго архипастыря, къ концу перваго (двухгодовалнаго тогда) курса Академіи онъ почти совсѣмъ потерялъ зрѣніе и намѣревался оставить школу. Къ счастью, среди товарищей его нашлись такіе, которые посовѣтовали ему не дѣлать этого и обѣщали ему всякую помощь и поддержку для продолженія академическихъ занятій. Они читали лекціи своему больному товарищу во время приготовленія къ экзаменамъ и необходимыя пособія при составленіи семестровыхъ сочиненій. Особенныя затрудненія о. С. В. Малеванскій испытывалъ во

время написанія курсоваго сочиненія. Но и здѣсь добрые товарищи не оставили его своею посильною помощію. Особенно цѣнныя услуги оказывалъ ему въ этомъ отношеніи товарищъ Н. Карножицкій (изъ могилевской епархіи). Почившій архипастырь до конца своей жизни хранилъ о немъ самыя теплыя воспоминанія и всегда относился къ нему, какъ къ одному изъ самыхъ близкихъ и дорогихъ своихъ родственниковъ.

Не смотря на такія затрудненія, съ которыми было сопряжено для о. С. В. Малеванскаго прохожденіе академическаго курса, онъ былъ лучшимъ студентомъ своего курса по успѣхамъ. При окончаніи курса академическаго, онъ, по справедливости занявъ, первое мѣсто среди товарищей и сразу же былъ оставленъ при академіи бакалавромъ богословскихъ наукъ. За годъ до окончанія академическаго курса онъ принялъ монашество съ именемъ Сильвестра (27 мая 1856 г.).

Академическая служба преосв. Сильвестра, особенно какъ лица монашествующаго, была исключительно продолжительна. Новая исторія Кіевской духовной Академіи не знаетъ другого подобнаго примѣра продолжительнаго, неизмѣннаго и всецѣлаго служенія школъ со стороны ея питомцевъ. Болѣе 40 лѣтъ преосв. Сильвестръ прослужилъ въ Академіи сначала въ званіи бакалавра (1857—1862 г.) и потомъ профессора (1862—1898 г.) богословскихъ наукъ, а также въ должности помощника инспектора (1859—1862 г.), инспектора (1862—1881 г.) и, наконецъ, ректора (1883—1898 г.) Академіи.

До 1883 г. преосв. Сильвестръ служилъ исключительно одной Кіевской духовной Академіи. Только съ назначеніемъ его ректоромъ этой послѣдней, сфера дѣятельности его значительно расширилась, причемъ свои силы и труды онъ долженъ былъ раздѣлить теперь между Академіею и епархіею. При самомъ же назначеніи на должность ректора

Академіи, преосвященный (тогда еще архимандритъ) Сильвестръ былъ сдѣланъ настоятелемъ Кіево-Братскаго Богоявленскаго монастыря. Вскорѣ послѣ того (20 января 1885 г.) онъ былъ хиротонисанъ въ санъ епископа и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался третьимъ викаріемъ Кіевской епархіи.

Занятія по дѣятельности настоятеля Кіево-Братскаго монастыря, при своей несложности, не могли, разумѣется, сколько нибудь препятствовать академической дѣятельности преосв. Сильвестра. Наоборотъ, труды епископскіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, за отсутствіемъ митрополита, преосв. Сильвестръ исполнялъ обязанности епархіальнаго архіерея, требовали отъ него большаго напряженія силъ и значительной затраты времени. Тѣмъ не менѣе и въ это время Академія и ея интересы составляли главный предметъ заботъ для преосв. Сильвестра. Какъ ни трудно приходилось ему иногда въ это время, но онъ никогда не прекращалъ академическихъ лекцій. Вообще академическія дѣла у него были всегда на первомъ планѣ. Только совершенно покончивъ съ ними, онъ приступалъ къ другимъ постороннимъ и временнымъ занятіямъ своимъ.

Академическая служба преосв. Сильвестра на первыхъ порахъ шла довольно ровно и спокойно. Предпринятое имъ серьезное лѣченіе дало ему значительное облегченіе глазной болѣзни, такъ что онъ получилъ возможность заниматься серьезными литературными трудами. Въ 1860-хъ годахъ онъ напечаталъ нѣсколько статей апологетическаго характера (Краткій историческій очеркъ раціонализма въ его отношеніи къ вѣрѣ. Историческое развитіе новѣйшаго пантеизма, какъ доказательство его несостоятельности. Несостоятельность новѣйшаго пантеизма въ рѣшеніи существеннѣйшихъ для человѣка вопросовъ). Въ это же самое время преосв. Сильвестръ былъ занятъ приготовленіемъ къ печати капитальнаго научно-богословскаго труда, который онъ затѣмъ представилъ въ академическій совѣтъ для со-

исканія степени доктора богословія подѣ заглавіемъ: „Ученіе о Церкви въ первые три вѣка христіанства“. 10 апрѣля 1873 года, послѣ публичной защиты, преосв. Сильвестръ былъ удостоенъ высшей ученой богословской степени.

Ровно черезъ годъ послѣ того почившаго архипастыря постигло одно непріятное служебное огорченіе, благодаря которому Кіевская духовная Академія едва не лишилась было своего лучшаго и солиднѣйшаго богослова. Весною 1874 г. высокопреосв. Макарій Булгаковъ, скончавшійся (9 іюня 1882 г.) въ санѣ московскаго митрополита, а тогда бывшій литовскимъ архіепископомъ, ревизовалъ Кіевскую духовную Академію, по порученію Св. Синода. Въ своемъ отчетѣ объ этой ревизіи высокопреосв. Макарій далъ въ высшей степени неблагопріятный отзывъ о профессорѣ архимандритѣ Сильвестрѣ. Ревизоръ не только отрицательно отзывался о профессорскихъ способностяхъ кіевскаго догматиста, но и скептически отнесся вообще къ его познаніямъ въ области догматическаго богословія. Этотъ отзывъ въ устахъ іерарха, который и самъ былъ авторомъ солидныхъ богословскихъ трудовъ, приобрѣталъ особенное значеніе. Возникалъ вопросъ о возможности дальнѣйшаго пребыванія архим. Сильвестра на профессорской академической кафедрѣ. Только сильное и энергичное заступничество кіевскаго митрополита Арсенія спасло его отъ этой непріятности, а для Кіевской Академіи сохранило еще надолго ея славнаго богослова.

Существовало и существуетъ множество предположеній касательно настоящихъ, дѣйствительныхъ мотивовъ неблагопріятнаго отзыва ревизора о преосв. Сильвестрѣ, какъ профессорѣ и ученомъ догматистѣ. Но для насъ важно знать, какъ смотрѣлъ на это самъ преосв. Сильвестръ. Пишущему эти строки пришлось однажды бесѣдовать съ почившимъ архипастыремъ по данному вопросу. Съ присушимъ ему рѣдкимъ благодушіемъ, преосв. Сильвестръ при

знавалъ неблагопріятный отзывъ ревизора о немъ *соответствовавшимъ исторической дѣйствительности*. По разсказу преосв. Сильвестра, дѣло было такъ. Высокопреосв. Макарій, въ качествѣ ревизора, посѣтилъ только одну лекцію архим. Сильвестра, причемъ, кажется, не оставался въ аудиторіи до конца лекціи. Архим. Сильвестръ сильно волновался и потому читалъ лекцію въ присутствіи ревизора, по собственному его сознанію, очень невнятно. Когда же послѣ лекціи ревизоръ сталъ спрашивать профессора о тѣхъ источникахъ и пособіяхъ, какими онъ пользовался при составленіи своихъ лекцій, равно какъ и о методѣ его преподаванія, то послѣдній снова волновался и не могъ высказать ревизору всего того, что желалъ и долженъ былъ сказать, тѣмъ болѣе, что высокопреосв. Макарій во время бесѣды съ архим. Сильвестромъ также волновался и торопился. Совершенно естественно, если, при такихъ обстоятельствахъ, у высокопреосв. Макарія составилось неблагопріятное представление какъ о профессорскихъ способностяхъ архим. Сильвестра, такъ и о научныхъ познаніяхъ его въ области догматическаго богословія, что онъ и занесъ въ свой отчетъ.

Но справедливо говоритъ народная пословица, что нѣтъ худа безъ добра. Отрицательный отзывъ ревизора о преосв. Сильвестрѣ, имѣлъ и свои весьма благопріятныя послѣдствія. Оскорбленный въ своемъ научномъ самолюбіи, почившій архипастырь рѣшилъ на дѣлѣ показать свою научную правоспособность. Въ томъ же самомъ году, когда происходила ревизія Академіи, преосв. Сильвестръ составилъ и въ слѣдующемъ (1875 г.) напечаталъ рядъ солидныхъ научно-богословскихъ этюдовъ по вопросамъ, возбужденнымъ старокатолическимъ движеніемъ (Отвѣтъ православнаго на схему старокатоликовъ о добрыхъ дѣлахъ, Отвѣтъ православнаго на предложенную старокатоликами схему о Пресв. Дѣвѣ, Отвѣтъ православнаго на предложенную старокатоликами схему о Св. Духѣ). А вскорѣ послѣ того

преосв. Сильвестръ приступилъ къ печатанію и своихъ „Чтеній по догматическому богословію“, которыя составили его знаменитый пятитомный „Опытъ православнаго догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ)“.

Всѣ эти труды преосв. Сильвестра, бывшіе какъ бы его отвѣтомъ на вызовъ, сдѣланный ему ревизоромъ въ 1874 г., съ полною очевидностію показали ошибку этого послѣдняго, равно какъ и научную правоспособность самаго автора ихъ. Мы не будемъ останавливаться на подробной характеристикѣ поименованныхъ сейчасъ трудовъ преосв. Сильвестра, составляющихъ истинное украшеніе нашей ученой богословской литературы XIX в., предоставляя эту честь специалистамъ. Мы же послѣдуемъ за дальнѣйшею жизнію и дѣятельностію преосв. Сильвестра.

Въ 1881 г. онъ долженъ былъ перенести новое неприятное огорченіе. „При выборахъ инспектора, большинство академическаго Совѣта предпочло ему другого кандидата. Неудачный исходъ выборовъ былъ тяжелъ для архим. Сильвестра особенно потому, что онъ лишалъ его казенной квартиры. Около 2 лѣтъ престарѣлый уже тогда и больной архимандритъ Сильвестръ долженъ былъ искать себѣ квартиры внѣ Академіи—то въ келіяхъ Братскаго монастыря, то въ нижнемъ этажѣ Кіево-Софійскаго митрополитанскаго дома. Къ счастью, этотъ очень тяжелый періодъ въ жизни преосв. Сильвестра былъ непродолжителенъ.

Въ 1883 году, неожиданно для себя и для многихъ другихъ, онъ былъ назначенъ ректоромъ Академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятелемъ Кіево-Братскаго монастыря, въ которомъ еще такъ недавно предъ тѣмъ ему не оказалось келіи для жительства... А черезъ годъ съ небольшимъ послѣ того архим. Сильвестръ былъ возведенъ въ санъ епископа и сдѣланъ викаріемъ Кіевской митрополіи.

Преосв. Сильвестръ оставался ректоромъ Кіевской духовной Академіи около 15 лѣтъ. Во все это время онъ, не смотря на всегдашній недостатокъ зрѣнія и общую слабость здоровья, ректорствовалъ въ Кіевской духовной Академіи твердо, самостоятельно и даже властно. Рѣшительность и настойчивость его начальствованія, впрочемъ, значительно смягчались и умѣрялись его рѣдкою добротою, осторожностію и большою снисходительностію въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовала польза дѣла. За эти качества своего характера и ректорскаго дѣйствованія преосв. Сильвестръ пользовался вообще глубокимъ уваженіемъ со стороны своихъ сослуживцевъ и учениковъ.

Оканчивался уже 15-й годъ ректорства преосв. Сильвестра въ Кіевской духовной Академіи, когда онъ (5 марта 1898 г.), совершенно неожиданно для себя и для академическихъ сослуживцевъ его, былъ освобожденъ отъ исполненія обязанностей ректора Академіи и перемѣщенъ въ Кіево-Никольскій монастырь, съ оставленіемъ въ званіи перваго викарія кіевской епархіи. Такая неожиданная перемѣна въ жизни и особенно разлука съ любимою Академіею, съ которою онъ, по собственному его выраженію, „въ буквальномъ смыслѣ слова сросся“ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, произвела на него, безъ сомнѣнія, весьма сильное дѣйствіе. Онъ началъ болѣть и видимо дряхлѣть. Все время онъ тосковалъ по Академіи. Ему, видимо, было тяжело жить въ непривычной и чуждой обстановкѣ. Многіе изъ окружавшихъ его въ это время не понимали и, быть можетъ, недостаточно цѣнили заслуженнаго старца-епископа. Не смотря на все это, преосв. Сильвестръ и теперь продолжалъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неутомимо заниматься поручавшимися ему епархіальными дѣлами. А въ 1900 году онъ имѣлъ еще достаточно силъ для того, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, послѣ смерти митрополита Іоанникія, по порученію Св. Синода, управлять съ

достоинствомъ и съ видимою пользою для дѣла кіевскою епархіею.

Лѣтомъ 1902 г. съ почившимъ архипастыремъ произошло одно несчастіе, которое сильно потрясло его нервную систему и окончательно подорвало силы его крѣпкаго, хотя и болѣзненнаго организма. Однажды ночью обвалился потолокъ комнаты, гдѣ почивалъ архипастырь. Обвалъ миновалъ мѣсто, гдѣ стояла постель, благодаря чему и спасся архипастырь отъ неминуемой смерти. Но сильный ударъ и естественный испугъ настолько потрясли его, что черезъ нѣсколько дней послѣ того съ нимъ произошелъ легкій апоплексическій ударъ. Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, правильному лѣченію и тщательному уходу родныхъ и нѣкоторыхъ учениковъ, преосв. Сильвестръ сравнительно легко и скоро поправился, но послѣдствія тяжкаго недуга сказывались во все время его дальнѣйшей жизни. Скоро начались непріятности съ другой стороны... Преосв. Сильвестръ съ обытною своею пунктуальностію продолжалъ заниматься епархіальными и монастырскими дѣлами, но силы, видимо, слабѣли и особенно начало измѣнять старцу-епископу зрѣніе. При такихъ обстоятельствахъ, 14 апрѣля 1906 г. преосв. Сильвестръ, по болѣзненному состоянію своему, былъ уволенъ на покой и поселился въ предоставленныхъ ему митрополичьихъ келіяхъ Кіево-Софійскаго кааедральнаго собора. Здѣсь въ полномъ уединеніи и постоянномъ молитвенномъ подвигѣ почившій архипастырь провелъ послѣдніе два года его жизни. Эти годы были временемъ постепеннаго угасанія знаменитаго свѣтильника церкви Божіей и подвижника богословской науки. Здоровье его постепенно ослабѣвало. Въ самое послѣднее время (съ мая 1908 г.) и сознание, повидимому, оставило его. Тѣмъ не менѣе и въ это трудное для него время онъ ежедневно присутствовалъ при богослуженіи въ своей домово́й церкви и все вообще время проводилъ въ постоянной устной или

умной молитвѣ. Очень часто онъ причащался въ это время св. Тайнъ, а наканунѣ смерти надъ больнымъ архипастыремъ было совершено таинство елеосвященія. Въ ночь на 12 ноября минувшаго года онъ, какъ сказано, мирно и безболѣзненно скончался на рукахъ близкихъ родственниковъ и вѣрныхъ своихъ служителей.

Не въ краткой некрологической статьѣ характеризовать столь славную и въ полномъ смыслѣ слова замѣчательную личность, какъ почившій архипастырѣ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ удержаться, отъ того, чтобы не вплести нѣсколькихъ цвѣтковъ въ тотъ вѣнокъ на свѣжую могилу его, какой сдѣланъ искусною рукою другихъ его учениковъ во время отпѣванія.

Почившій архипастырѣ былъ благоговѣйнѣйшимъ совершителемъ богослуженія и усерднымъ молитвенникомъ. Недостатки зрѣнія и рѣчи его совсѣмъ не замѣчались во время вдохновеннаго совершенія имъ богослуженія. И его служеніе производило на всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ неотразимое впечатлѣніе.

Почившій архипастырѣ отличался почти исключительнымъ въ наше время трудолюбіемъ. Вся жизнь его была наполнена непрерывнымъ трудомъ. Въ періодъ его ректорскаго служенія въ Академіи распредѣленіе его личныхъ занятій и весь распорядокъ его жизни были строго сообразованы съ нормальнымъ теченіемъ академической жизни. Двери его ректорской квартиры были открыты весь день, за исключеніемъ 2 часовъ послѣобѣденнаго отдыха, для всѣхъ, желавшихъ видѣть его и объясниться съ нимъ.

Почившій архипастырѣ былъ рѣдкимъ нищелюбцемъ. Съ давняго времени онъ началъ ежемѣсячно раздавать бѣднымъ людямъ и нищимъ остатки своихъ сбереженій. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ имѣлъ постоянныхъ пенсіонеровъ, которые получали отъ него ежемѣсячное содержаніе.

Почившій архипастырь былъ истиннымъ и глубокимъ патріотомъ. Онъ особенно любилъ вести бесѣды съ близкими къ нему людьми на темы политическаго характера. Немногіе часы досуга и послѣобѣденнаго отдыха онъ любилъ посвящать чтенію газетъ, по которымъ зорко слѣдилъ за всѣми перипетіями міровой и нашей русской политической жизни. Особенное уваженіе и величайшую любовь онъ питалъ къ личности въ Возѣ почившаго Императора Александра III. Онъ и завѣщалъ похоронить себя въ облаченіи, которое было подарено ему Царемъ Миротворцемъ.

Свое завѣщаніе почившій архипастырь закончилъ молитвою къ Богу о ниспосланіи благословенія всѣмъ многочисленнымъ ученикамъ его по Кіевской Академіи. Съ своей стороны, и самъ онъ проситъ въ томъ же завѣщаніи всѣхъ своихъ учениковъ молить Бога о прощеніи ему всѣхъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній его.

Да будетъ эта предсмертная молитва великаго старца епископа-слѣпца, умудреннаго и просвѣтленнаго Богомъ, въ постоянной памяти всѣхъ его учениковъ!

Миръ безсмертному великому духу почившаго архипастыря! Да упокоитъ его Господь въ селеніяхъ праведныхъ!

2 января 1909 г.

Пр. Ѳ. Титовъ.

С л о в о

на заупокойной литургіи при погребеніи Преосвященнѣйшаго Епископа Сильвестра, бывшаго Ректора Кіевской духовной Академіи.

Блаженъ человекъ, иже обрѣте премудрость (Притч. III, 13).

Десять съ половиною лѣтъ минуло съ того памятнаго дня, какъ нынѣ блаженно-почившій о Господѣ святитель Божій съ сего священнаго мѣста въ послѣдній разъ преподавъ всѣмъ намъ, братіе, свое архипастырское благословеніе и, напутствуемый молитвами, благожеланіями и слезами нашей академической и монастырской братіи и многочисленныхъ богомольцевъ сего святаго храма, оставилъ нашу Академію и сію обитель, въ которыхъ прожилъ безъ малаго полвѣка въ качествѣ студента Академіи, профессора ея, инспектора, ректора и настоятеля Кіево-Братскаго монастыря, и съ которыми онъ сросся самыми крѣпкими, неразрывными нитями своего существованія. И вотъ нынѣ святая обитель сія и наша Академія снова и съ великимъ торжествомъ и благолѣпіемъ церковнымъ встрѣтили и пріяли своего возлюбленнаго архипастыря и отца, но теперь зримъ мы уже не того благостнаго святителя, молящагося за насъ и благословляющаго насъ, а бездыханно предлежащаго намъ и безмолвно, но выразительно и внушительно просящаго нашихъ молитвъ о душѣ его. И эта смерть, и горестное

сознаніе всей тяжести, принесенной ею, утраты, и вызываемая этимъ жгучая печаль сердца должны бы налагать печать благоговѣйнаго молчанія на уста каждаго изъ многочисленныхъ почитателей почившаго владыки: у гроба сего, по-истинѣ говоря, мѣсто, первѣе и главнѣе всего, молитвамъ о преставльшемся, такъ трогательно просимымъ имъ у насъ. Притомъ самый гробъ сей и все это благолѣпіе святыни и торжество церковное, все это необычайное стеченіе въ сей святой храмъ народа суть самая высокая и глубоко-назидательная проповѣдь. Однако долгъ любви и сердечной признательности къ нашему отцу и благодѣтелю побуждаетъ насъ, одного изъ послѣднихъ по времени учениковъ его, выступить на святомъ мѣстѣ семъ съ краткимъ и слабымъ словомъ въ честь и память почившаго владыки и въ общее назиданіе.

Угасъ, братіе, великій свѣтильникъ вѣры и научно-богословскаго вѣдѣнія, благочестія и любви Христовой, выше полѣвка горѣвшій и свѣтившій на свѣщникѣ нашей отечественной Церкви, но досязавшій свѣтомъ своимъ и далеко за ея предѣлы, отошелъ въ лучшій міръ маститый учитель не помѣстной только Церкви русской, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и Церкви вселенской, поскольку ученые вѣроучительные труды его были извѣстны и пользовались вниманіемъ и вліяніемъ не въ Россіи только, но и на православномъ Востокѣ и на иновѣрномъ Западѣ; восхищенъ отъ среды живущихъ носитель духа, преданій и истины единой вселенской Церкви Христовой. Утрата, по-истинѣ, незамѣнимая, по крайней мѣрѣ, трудно вознаграждаемая; такіе столпы церковной жизни и ученія, такіе изумительные труженики христіанской науки рождаются вѣками. Подлинно великаго плача достойна эта великая утрата, понесенная нашею Церковію, нашею богословскою наукою, нашимъ церковнымъ обществомъ: „краса твоя, Израиль, поражена на высотахъ твоихъ“ (2 Цар. I, 19).

И однако, братіе, у сего, краснорѣчиваго въ самомъ молчаніи, гроба должно быть мѣсто не столько скорби и печали, сколько сердечному благодаренію и духовному ликованію о Господѣ, и не потому только, что, по наставленію апостольскому, мы, вѣрующіе, вообще объ умершихъ не должны безъ мѣры скорбѣть, *якоже и прочіи, не имущи упованія* (I Сол. IV, 13), но и потому, что приснопамятный владыка нашъ отошелъ ко Господу уже въ старости масти-той, подобно спѣлому колосу, пожатому въ житницу, отошелъ освященный святыми таинствами Церкви, что онъ „въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, и кротости, и въ священническомъ достоинствѣ пожилъ“ (троп. изъ „послед. погреб. свящ.“), что данные ему отъ Бога таланты онъ трудолюбно дѣлалъ съ ранняго утра до вечера жизни своей и во сто трудовъ уплодоносилъ ихъ, что онъ вообще постигъ и выполнилъ дѣломъ смыслъ жизни человѣка. *Блаженъ человекъ, иже обрѣте премудрость.*

Премудрость, братіе, была предметомъ исканій и восхваленій еще древнихъ мудрецовъ міра языческаго. Они высоко цѣнили и превозносили ее, какъ высшее благо жизни, искали ее съ великими усиліями, но опредѣляли различно и часто превратно. Истинное понятіе о премудрости имъ было чуждо, почему и сказалъ Богъ: *погублю премудрость премудрыхъ, разумъ разумныхъ отвергу* (Ис. XXIX, 14; I Кор. I, 19), и возвѣстилъ въ божественномъ словѣ Своемъ премудрость истинную: *начало премудрости страхъ Господень, и познаніе Святаго разумъ* (Притч. IX, 10; 1, 7), поучаетъ ветхозавѣтный мудрецъ. *Кто премудръ и художъ въ васъ*—поясняетъ его св. апостолъ,—*да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и премудрости... Яже свыше премудрость, первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ блажихъ, несумнѣнна и нелицемѣрна* (Іак. III, 13. 17).

Подлинно эту премудрость вѣдѣнія и жизни стяжалъ нашъ блаженный архипастырь. Истина христіанская сливалась

у него нераздѣльно съ жизнью, безцѣнное сокровище вѣры наполняло и одушевляло все его существо: разумъ и сердце, волю и дѣятельность. Общепризнано его крупное, отмѣчающее новую эпоху, значеніе въ области науки вѣроучительнаго богословія.

Кто изъ современныхъ ему богослововъ могъ сравниться съ нимъ по количеству, объему и качественной цѣнности ученыхъ трудовъ, въ которыхъ на всѣ времена послѣдующимъ поколѣніямъ данъ достоподрожательный образецъ беззавѣтной преданности святому дѣлу науки вѣры и изумительнаго трудолюбія? Изумительна его ученость, его всеобъемлющее знаніе церковно-христіанскаго вѣроученія въ его основахъ, источникахъ, въ длинной цѣпи многовѣковаго церковнаго преданія; своими трудами онъ произвелъ коренное преобразование въ наукѣ, поставивъ дѣло изслѣдованія на новую почву внутренняго христіанскаго опыта и исторіи. Дѣлу науки онъ отдалъ большую половину жизни и совершалъ этотъ подвигъ съ великимъ напряженіемъ духовныхъ силъ своихъ, при полной слабости силъ тѣлесныхъ, при недостаткѣ перваго необходимаго условія книжной работы—здороваго зрѣнія. Подлинно, братіе, есть чему поучиться людямъ науки у просвѣщеннаго труженика науки! Неизгладимое впечатлѣніе производило на насъ, учениковъ его, появленіе его на академической кафедрѣ: само собою чувствовалось присутствіе великой ученой силы, свободно, какъ въ родной стихіи, вращавшейся въ исторіи и системѣ церковно-христіанскаго вѣроученія. Это—не нашъ ничтожный судъ, это судъ виднѣйшихъ представителей науки богословской въ Россіи и заграницей.

Но маститый богословъ-святитель былъ мудръ не въ вѣдѣніи только, но и въ самой жизни, и эта двоякая мудрость сообщала всему нравственному облику его чрезвычайную привлекательность, обаятельность. Первая печать мудрости—простота, непритязательность, общедоступность—

была въ высокой степени присуща почившему. Чуждый всякаго блеска суетнаго человѣческаго величія, онъ былъ всегда доступенъ людямъ всякаго общественнаго положенія, не говоря уже о ближайшихъ сослуживцахъ и ученикахъ своихъ. Онъ велъ самый простой образъ жизни, ограничивая и сокращая до послѣдней степени, во имя высшихъ интересовъ духа, свои тѣлесныя нужды и потребности. Это былъ истинный подвижникъ христіанскаго благочестія въ духѣ и силѣ древне-христіанскихъ подвижниковъ. Его умное дѣланіе, его молитвенно-созерцательное настроеніе, конечно, составляло тайну его духа и было сокрыто отъ очей людскихъ, но проявленія такого настроенія владыки имѣли счастье наблюдать и назидаться этимъ многіе. Невыразимо трогательно было намъ, ученикамъ его, ежедневно, каждое утро наблюдать, какъ неопустительно привычною тропкою двора нашего академическаго въ скромной одеждѣ монаха направлялся онъ въ соборный храмъ монастыря для молитвы предъ чудотворною иконою Богоматери Братской. Изъ того же неизсякаемаго родника истекало его несравненное по высотѣ и умирительности одушевленіе Божественною службою. Кто изъ богомольцевъ сего святаго храма не умилялся проникновенною и вдохновенною службою святителя Божія? И можно ли забыть тѣ святія впечатлѣнія, какія производила эта служба на всѣхъ молящихся за ней? Легко понять, на какой нравственной высотѣ стояла власть старца-епископа, какъ ректора, въ академической средѣ. А любовное отношеніе его къ учащимъ и учащимся здѣсь еще болѣе возвышало нравственное вліяніе его въ Академіи. Оставивъ по преклонности лѣтъ и слабости здоровья Академію и Братство, онъ продолжалъ духомъ пребывать здѣсь и всегда съ неослабѣвающимъ интересомъ разспрашивалъ академическаго посѣтителя о всѣхъ сторонахъ жизни Академіи.

Нельзя умолчать, что мудрость почившаго владыки была *исполнь милости и плодовъ многихъ*. Добродѣтель нище-

любія была любимою и постоянною его добродѣтелію. Онъ благотворилъ многимъ и много, но, по заповѣди Евангелія, лѣвая рука его не вѣдала, что творила правая (Матрѣ. VI, 3), и лишь случайно приходилось узнавать, сколь многіе были облагодѣтельствованы его любовію и милостію. По-истинѣ блаженъ почившій архипастыръ нашъ, словомъ, дѣломъ и всею жизнію явившій обрѣтенную имъ премудрость. Вѣруемъ, что нынѣ, по милости Божіей, уже не въ зеркалѣ и не въ гаданіи, но въ самой истинѣ постигаетъ онъ тайны бытія и вѣчныя истины христіанскаго вѣроученія и богословія, изученію и изслѣдованію которыхъ онъ отдалъ всю жизнь свою. Вѣримъ также, что не отпадаетъ николиже его любовь къ намъ, которою онъ обнималъ всѣхъ насъ, не тѣсно вмѣщая въ сердцѣ своемъ.

Исполнимъ, братіе, и мы святой долгъ любви къ почившему—долгъ непрестанной молитвы Господу объ упокоеніи его безсмертнаго духа въ селеніяхъ святыхъ. Почившій владыка неизгладимыми чертами начерталъ свое имя на скрижаляхъ исторіи нашей Академіи нашей, богословской науки, нашей отечественной церкви. Начертаемъ, братіе, и мы всѣ неизгладимыми чертами имя приснопамятнаго святителя на скрижаляхъ сердецъ нашихъ для всегдашняго молитвеннаго памятованія о немъ.

„Понеже вси къ той же нудимся обители, и подъ тойжде пойдемъ камень, и сами прахъ помалѣ будемъ, представляемуся покоя отъ Христа просимъ“ (Послѣд. погреб. свящ.). Аминь.

Свящ. А. Глаголевъ.

РѢЧЬ

предъ отпѣваніемъ почившаго Епископа Сильвестра.

Въ церкви Христовой нѣтъ мертвыхъ, такъ какъ ея Глава—Господь „нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ“ (Марка гл. 12, ст. 27). Вѣруемъ, что живетъ вышею, близкою къ Богу и святымъ Его жизнію и тотъ великій сынъ православной Церкви и ея пастырь, вокругъ бранныхъ останковъ котораго собрались мы нынѣ для молитвы. Предъ его духовными очами раскрылось уже все то, что мысленно созерцалъ онъ во время земной жизни, къ чему тяготѣлъ всѣмъ существомъ своимъ и на что, какъ на послѣднюю цѣль земнаго существованія, указывалъ многочисленнымъ своимъ ученикамъ и духовнымъ чадамъ.

„Дивна, воистину, сотвори Господь“ (псал. 97, I) въ жизни почившаго: лишенный зрѣнія тѣлеснаго, онъ, какъ никто другой, обладалъ зрѣніемъ духовнымъ. Грозны такіе люди для грѣшнаго міра во время ихъ земной жизни, въ пору ихъ церковно-общественной дѣятельности. Одно приближеніе ихъ къ намъ или наше къ нимъ наполняетъ насъ тѣмъ благоговѣйнымъ трепетомъ, который испыталъ нѣкогда Симонъ Петръ, „припавшій къ колѣнома Иисусовыма и говорившій: изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь“. (Луки гл. 5, ст. 8). Но это не рабскій страхъ, а трепеть неокрѣпшаго еще въ нравственныхъ силахъ сына предъ добрымъ отцомъ, трепеть кающагося грѣшника предъ его духовникомъ. Кто изъ насъ, о. о. и братіе, находившихся въ

духовномъ общеніи съ почившимъ епископомъ Сильвестромъ, не испытывалъ такого, именно, трепета въ его присутствіи? То чувство, которое мы, его ученики, испытывали при приближеніи къ нему, при входѣ въ его келліи, переживается, обычно, только паломникомъ, приходящимъ къ подвижнику—прозорливцу въ стѣны св. обители. Желанна и вмѣстѣ грозна для паломника минута встрѣчи съ подвижникомъ, памятна ему на всю жизнь всякое его слово, всякое дѣйствіе. Долго спустя послѣ посѣщенія старца, паломникъ живетъ, гордится тѣмъ, что былъ имъ принятъ, наученъ, получилъ отъ него благословеніе. Подвижникомъ науки, архипастыремъ-прозорливцемъ былъ и почившій. Проходили годы, десятилѣтія, а великій старецъ твердо стоялъ на своемъ нелегкомъ посту, не позволяя склонить себя ни направо, ни налево отъ того для него яснаго и прямого пути къ достиженію цѣлей духовнаго просвѣщенія, какой указанъ закономъ Христовымъ. Имя епископа Сильвестра, красы и гордости Православной Церкви, ея перваго богослова, пастыря неспособнаго „на хожденіе по вѣку міра сего“ (Ефес. 2, 2), врага неискренности и лжи, лицемерія и угодничества, стало извѣстнымъ во всѣхъ уголкахъ земли русской, гдѣ только боролись противъ тьмы и невѣжества его многочисленные ученики. Въ ореолѣ самоотверженной подвижнической жизни представлялась личность почившаго не только членамъ Православной Церкви, но и иноувѣрнымъ. Ему, какъ истинному архипастырю Христовой Церкви, надлежало по апостолу, „имѣть доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ“ (1 Тим., 3, 7), и онъ имѣлъ его. На него, мужа сильнаго духомъ и вѣрою, указывали эти „внѣшніе“, какъ на желаннаго главу Церкви Русской, возможнаго ея патріарха... Но годы труда и непрестаннаго бдѣнія надъ нравственнымъ и умственнымъ ростомъ порученнаго ему разсадника высшаго духовнаго просвѣщенія взяли свое: „исполненный благодати, всякаго разума, могущій другихъ научати“ (Рим. 1.

15, 14) ослабѣлъ тѣломъ; послѣднее потребовало отдыха, на который имѣло полное право. Переходъ отъ труда къ покою, отъ заботъ къ отдыху, для людей обычнаго житейскаго уровня—дѣло всегда желанное; но не такъ относились и относятся къ нему люди долга и энергіи. Они въ подобной перемѣнѣ видятъ для себя Божіе наказаніе и въ глубинѣ своей души никогда не мирятся съ нею. Ихъ жизненная задача—учить и наставлять другихъ дѣломъ и словомъ; они привыкли видѣть себя окруженными благоговѣйно-внимающими каждому ихъ слову учениками. До конца дней своихъ желали бы эти люди дѣлиться сокровищами своего ума, своимъ жизненнымъ опытомъ съ понимающими и цѣнящими ихъ, зная, что для послѣднихъ даже малые наставленія ихъ „дѣше злата и сребра многа“. Подобно всехвальному апостолу любви и богослову Іоанну, поучавшему, не смотря на крайнюю слабость тѣла, до заката житія своего на землѣ учениковъ краткими наставленіями о любви, желалъ и нашъ дорогой отецъ и учитель видѣть возможно чаще около себя имъ воспитанныхъ и наученныхъ и преподавать имъ, вмѣстѣ съ благословеніемъ, и наставленіе. Но, къ стыду нашему, по издавна-присущей русскому человѣку привычкѣ цѣнить людей только у власти стоящихъ, мы лишь изрѣдка навѣщали почившаго, чтобы получить у него благословеніе, приложиться къ рукамъ его. Дорого, бесконечно-дорого было для старца-архипастыря каждое посѣщеніе кого-либо изъ близкихъ по духу лицъ; горячо принималъ онъ къ сердцу все, что ему сообщали о томъ мѣстѣ, на которомъ онъ такъ долго и такъ усердно служилъ Богу и Его дѣлу. Кіевская духовная Академія, Братскій монастырь—эти близкіе почившему разсадники вѣры и христіанскаго благочестія—были, обыкновенно, предметомъ его разговоровъ. Одному Господу извѣстно, сколько молитвъ было вознесено почившимъ за ихъ благоденствіе, сколько преподано

благословеній правоправящимъ въ нихъ слово истины труженникамъ!

Предоставленный самому себѣ, волнуемый мыслями и думами о прошломъ и будущемъ, нашъ отецъ и наставникъ не былъ, однако, одинъ; съ нимъ былъ Господь, во славу Имени Котораго онъ творилъ великое и цѣнное въ области боговѣдѣнія, Котораго молилъ высокою одушевленную молитвою о своихъ духовныхъ чадахъ. Подобно пустыннымъ старцамъ и подвижникамъ, „ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ“ (Евр. 11, 38), почившій въ послѣдніе годы жилъ въ Богѣ и съ Богомъ. Подобно имъ, и онъ страдалъ, но слово жалобы не исходило изъ устъ его, мы не слышали отъ него ни ропота, ни укоризны. Великая черта, присущая только тѣмъ христіанамъ, для которыхъ близка уже потусторонняя жизнь, которые знаютъ, что болѣзни, печали и воздыханія — неизбѣжный удѣлъ всякаго, пришедшаго въ міръ. Ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, покоющійся на груди почившаго, согласно его предсмертной волѣ,—вотъ единственное напоминаніе для насъ о томъ, терніями усыяномъ пути, по которому шелъ онъ въ этой жизни.

Тихо, блаженно почилъ ты, нашъ дорогой отецъ и наставникъ. И многіе изъ жителей города, лучшимъ духовнымъ украшеніемъ котораго ты былъ, проводили тебя тѣсными толпами подъ своды того храма, гдѣ возносили ты въ теченіе почти полувѣка свои горячія, дивныя молитвы. Едва не весь градъ подвигся и нынѣ, чтобы проводить тебя къ другому древнему храму, избранному тобою мѣстомъ вѣчнаго упокоенія. Провожавшіе твои останки и окружающіе твой гробъ говорятъ и думаютъ: тяжело жилось почившему въ послѣдніе годы, но все же лучше было бы, если бы онъ не оставлялъ этого міра, жилъ среди насъ, хотя бы и въ полномъ духовномъ одиночествѣ. И какъ понятны эти рѣчи и мысли для христіански-настроеннаго ума! Умеръ праведникъ, одно присутствіе котораго среди грѣхами отягченнаго

общества было великимъ утѣшеніемъ для лицъ, не потерявшихъ еще вѣры въ добро и святость. Свѣтильникъ вѣры и знанія, который почившій держалъ въ своихъ ослабѣвшихъ рукахъ, свѣтилъ тѣмъ истиннымъ, небеснымъ свѣтомъ, лучи котораго только и могутъ прорѣзывать окружающую насъ тьму, прогнать и разсѣять ее. Погасъ свѣтильникъ, не стало праведника! Кто можетъ замѣнить его? Никто, такъ какъ подвижники науки, свѣточы вѣры и любви, подобные почившему, незамѣнимы. Пройдутъ годы, смѣнятся поколѣнія, но память о добромъ пастырѣ, великомъ молитвенникѣ и безкорыстномъ труженникѣ-архипастырѣ, душу свою полагавшемъ за други своя, не умретъ въ сердцахъ всѣхъ, кому дорога Православная вѣра, кто опытно позналъ, какъ не легко тотъ видъ служенія ея, какой былъ земнымъ удѣломъ еп. Сильвестра. Издалека уже и теперь несутся въ нашу скромную обитель просьбы „положить поклонъ предъ гробомъ святителя, смиреннаго мудреца и подвижника“. Не перестанетъ благоговѣнно чтить его святую память и въ грядущіе вѣка духовная школа,—дорогое дѣтище Русской церкви. На пространствѣ всего своего историческаго прошлаго она не знаетъ ни одного іерарха, служившаго такъ долго и съ такою пользою для раскрытія спасительныхъ христіанскихъ догматовъ, и не только научавшаго другихъ истинамъ христіанской нравственности, но, какъ и всѣ великіе въ Царствіи небесномъ, осуществившаго ихъ въ своей земной жизни.

Но, отцы и братіе, мнѣ неслучилось бы времени для благоговѣйнаго повѣствованія о томъ, чѣмъ, какою стороною своего богато-одареннаго духовнаго облика покорялъ умъ однихъ, вліялъ на волю другихъ, плѣнялъ сердца третьихъ, властвовалъ не надъ отдѣльными только личностями, но и надъ цѣлыми поколѣніями въ Божѣ почившій святитель. Къ тому-же его блаженная кончина, какъ и кончина всякаго

праведника, поводъ не къ прославленію только почившаго, но и къ нашему собственному наученію. Хвалятъ, прославляютъ почти всѣхъ почившихъ, назидаются только у гроба немногихъ изъ нихъ, избранниковъ Божіихъ. Къ такимъ немногимъ принадлежитъ нашъ дорогой покойникъ. Приникнемъ къ его гробу, и онъ своимъ тихимъ, дрожащимъ, задушевымъ голосомъ многому научить насъ, о многомъ вспомнеть намъ, знавшимъ и не-знавшимъ его при жизни. Какъ архипастырь, онъ учитъ своимъ примѣромъ прежде всего насъ, пастырей Церкви Православной. Говорятъ и пишутъ нынѣ: православное пастырство много потеряло въ наши дни въ глазахъ своихъ пасомыхъ; ему не оказываютъ прежняго довѣрія, прежней любви. Но вотъ отошелъ ко Господу жившій на покой пастырь, не имѣвшій даже собственной паствы, помогавшій всю жизнь свою другимъ пасти стадо Христово. И его останки окружаютъ такимъ благоговѣніемъ, такимъ неподдѣльнымъ и искреннимъ почитаніемъ, возносятся такія горячія молитвы о причтеніи Его къ лику св. угодниковъ Божіихъ, что даже скорбный обрядъ погребенія не столько печалитъ, сколько горѣ восхищаетъ души и сердца людскія. Намъ, наблюдающимъ это стремленіе народа ко гробу почившаго, какъ бы слышится его поучающій голосъ: если вы, пастыри церкви, желаете быть близкими къ своей паствѣ, цѣнными ея, то заботьтесь не о томъ, чтобы украшеніемъ вашимъ была внѣшняя лѣпота, или то, что зовутъ житейскою обстановкою, но „сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа“ (I Петра, 3, 4). Намъ, современнымъ пастырямъ, предносятъ, какъ идеаль, пастыря грознаго, бичующаго нещадно пороки другихъ, взывающаго къ небу и людямъ о томъ злѣ, которое причиняютъ пастырству внутренніе и внѣшніе враги христіанства. А лежащій во гробѣ, тоже нѣкогда грозный для нашей совѣсти и несомнѣнно идеальный пастырь, всею своею жизнію даетъ намъ наставленіе:

„кто сдѣлаетъ вамъ зло, если вы будете ревнителями добра?“ Не проистекаютъ ли ваши пастырскіе страхи изъ ожиданія страданій за вѣру? Но если вы и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха вѣшняго, которымъ всегда грозили доброму пастырству и грозятъ нынѣ, не бойтесь и не смущайтесь (I Петра, 3, 13—14). Для пастыря, непонимаемаго пасомыми и гонимаго врагами, единственная защита Господь и Спаситель. Въ горячей молитвѣ къ Нему, въ слезахъ, поклонахъ, въ посильной помощи другимъ, обиженнымъ судьбою, онъ найдетъ силы противостать страху, угрозамъ, нападеніямъ. Насельникамъ этой св. обители, ея посѣтителемъ долго будетъ памятенъ образъ теплаго молитвенника, возносившаго сердце свое и ближнихъ къ престолу Божию, проливавшего слезы молитвеннаго умиленія въ семъ храмѣ. Не стало великаго нищелюбца и всегдашняго нашего богомольца,—вотъ первая мысль посѣтителей сего св. храма при вѣсти объ уходѣ почившаго изъ стѣнъ Братской обители. О, какъ счастливы были бы православные люди, еслибы ихъ пастыри приняли за образецъ для себя непостыдное пастырство почившаго іерарха пришедшаго и нынѣ „послужить другимъ“ послѣдній разъ на мѣстѣ своихъ прежнихъ молитвенныхъ подвиговъ!

Избравъ путь, по которому онъ шелъ во время своей земной жизни,—путь привлеченія къ себѣ сердецъ пасомыхъ примѣромъ личной жизни и высокой духовной настроенности, мы привлекли бы къ нему многочисленные ряды смѣняющихъ насъ на нивѣ служенія Церкви питомцевъ родной почившему и намъ духовной школы. Въ Возѣ почившій архипастырь—питомецъ нашей школы того ея періода, когда въ ней твердили: примѣры влекутъ. Больше примѣромъ, чѣмъ словомъ, влекъ и онъ насъ къ Источнику свѣта и жизни. Мы любимъ упрекать юнѣйшихъ насъ, грозить имъ за ихъ вольныя и невольныя прегрѣшенія, за-

бывая при этомъ, что, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, наше духовное юношество болѣе недовольно самимъ собою, чѣмъ мы имъ. Оно ищетъ среди его окружающихъ безкорыстныхъ, преданныхъ долгу дѣятелей на нивѣ Христовой, и если находитъ такихъ, идетъ за ними, почитаетъ ихъ, хотя бы они были грозны для немощной его совѣсти, какъ почившій святитель. Но чтобы заслужить этотъ почетъ, это довѣріе, нужно быть прежде всего грозными судьями своей не немощной только, но часто злой и своекорыстной совѣсти...

Въ лицѣ почившаго святителя не мы одни, ученики его, теряемъ живой примѣръ жизни въ Богѣ, но и вы, братіе и сестры о Господѣ, очевидцы его высокой, чистой жизни, его молитвенныхъ подвиговъ, его любви къ меньшему брату. По чувству справедливости, мы должны были бы уступить вамъ первое мѣсто у гроба съ дорогими останками, такъ какъ вы относились къ почившему съ такой горячею любовію, съ такимъ трогательнымъ сочувствіемъ, какъ не относятся дѣти къ родителямъ. Вы окружали его вниманіемъ и усердіемъ, какихъ не проявлялъ никто изъ насъ. Скажу больше: вы прозрѣли въ немъ праведника и угоднаго Богу человека. Только этимъ и можно объяснить то обстоятельство, что при вѣсти о кончинѣ великаго старца вы притекли въ стѣны чтимой вами обители и непрерывной струею въ теченіе послѣднихъ дней прикладывались къ почившему, молились о немъ и ему. Господь, по молитвамъ почившаго, да благословитъ васъ за любовь къ Его доброму пастырю-святителю.

Въ общее наше утѣшеніе сообщаю Вамъ, что въ послѣдней своей волѣ почившій благословляетъ всѣхъ своихъ учениковъ и духовныхъ чадъ и проситъ ихъ молитвъ о себѣ. Исполнимъ, отцы и братіе, малую просьбу того, кто не отказывалъ намъ въ просьбахъ большихъ и даже трудно-

выполнимымъ. Помолимся духомъ и умомъ объ упокоеніи со святыми того, кто въ умной молитвѣ, духовномъ дѣланіи и молитвенномъ общеніи съ людьми полагалъ высшее счастье человѣка-христіанина. Аминь.

Е. Θεодосій.

Р Ѣ Ч Ъ,

произнесенная при погребеніи преосвященнаго Сильвестра.

Святитель Христовъ!

Прощальную бесѣду съ тобою, Высокочтимый іерархъ Божій, незабвенный нашъ наставникъ и начальникъ, благослови начать словами, которыя ты постоянно слышалъ здѣсь и въ другихъ храмахъ при облаченіи въ святительскія одежды: *„Такъ да просвѣтитъ свѣтъ твой предъ людьми, яко да видятъ добрая дѣла твоя и прославятъ Отца нашего, иже на небесахъ“*.

И своимъ ученіемъ, и своею праведною жизнью почившій Владыка, въ теченіе болѣе полувѣкового своего служенія церкви Божіей и горячо любимой имъ Академіи вполнѣ оправдалъ эти слова нашего Спасителя.

Немерцающій свѣтъ божественнаго ученія исходилъ изъ устъ почившаго Владыки, бывшаго въ теченіи многихъ десятилѣтій нашимъ наставникомъ и начальникомъ. Чтенія его о высокихъ догматическихъ предметахъ вѣры Христовой всегда отличались истинно христіанскимъ направленіемъ, постоянно основываясь на точномъ ученіи Слова Божія и твореній отцовъ церкви, и при своей ясности, отчетливости и доказательности глубоко западали въ наши юныя души и сердца. Цѣлыя десятки поколѣній воспитывались и доселѣ воспитываются на глубокомысленныхъ чтеніяхъ по Догматическому Богословію Преосвященнаго Сильвестра. Не обинуясь скажемъ, что свѣтъ ученія почившаго Святи-

теля озарялъ и доселѣ озаряетъ не только питомцевъ нашей и другихъ Академій, но и весьма многихъ истинно вѣ-вѣрующихъ христіанъ, въ которыхъ не угасло еще желаніе къ сознательному усвоенію истинъ православной вѣры. При-ынось тѣна почившаго Владыки изъ митрополитанскихъ покоевъ мы слышали отъ одного свѣтскаго чедовѣка горячее желаніе имѣть у себя на память одну изъ книгъ Догматическаго Богословія Преосвященнаго Сильвестра.

Но почившій нашъ наставникъ распространялъ свѣтъ божественнаго ученія не только посредствомъ читанныхъ намъ лекцій, не только путемъ обнародованія въ печати своихъ замѣчательныхъ богословскихъ произведеній,—онъ старался по возможности показать на самомъ себѣ, на своей жизни дѣйственность и благотворность христіанскаго ученія. Его глубокая религіозность, его живая вѣра въ Божественнаго Испытателя извѣстна всѣмъ намъ, близко знавшимъ его, присутствовавшимъ при его богослуженіи или имѣвшимъ высокое утѣшеніе участвовать съ нимъ при совершеніи божественной литургіи. Мы живо помнимъ, съ какимъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ почившій Владыка произносилъ, обращаясь къ учащимся и всѣмъ присутствовавшимъ въ этомъ храмѣ, извѣстныя знаменательныя слова: „Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди и, его же насади десница Твоя“. Его звучный, задушевный голосъ доселѣ раздается въ ушахъ многихъ изъ насъ...

Видимо особое душевное утѣшеніе доставляло почившему Владыкѣ совершеніе божественной литургіи, во время которой, особенно при освященіи святыхъ Даровъ, онъ воздвигалъ горѣ свои очи, не развлекаемыя сторонними впечатлѣніями, и какъ бы отрѣшался отъ видимаго міра; лицо его принимало въ то время особый неземной оттѣнокъ, а что чувствовала его праведная душа,—это не поддавалось нашимъ наблюденіямъ. Иногда, наканунѣ воскреснаго или

праздничнаго дня, Владыка чувствовалъ себя очень нездоровымъ, и все-таки онъ, больной, слабый, едва ходившій (по причинѣ отека ногъ), служилъ литургію непременно и неукоснительно, особенно въ дни знаменательныхъ церковныхъ празднествъ. Въ этомъ отношеніи почившій Владыка просто изумлялъ насъ своею стойкостью, настойчивостью и громаднымъ терпѣніемъ. Посѣтители Братскаго монастыря помнятъ, съ какимъ терпѣніемъ онъ, при своемъ слабомъ зрѣніи, совершалъ въ храмѣ елеопомазаніе или раздавалъ святую вербу, испытывая при этомъ большое стѣсненіе, толкотню и натискъ молящихся, стремившихся получить отъ святителя благословеніе.

Въ послѣдніе годы, освободившись отъ епархіальныхъ дѣлъ, Владыка почти ежедневно присутствовалъ въ церкви митрополитанскаго дома при совершеніи богослуженія, а нерѣдко, не смотря на предостереженія пользовавшаго его врача и совѣты близкихъ лицъ, онъ съ немалыми усиліями совершалъ божественную литургію. На наши замѣчанія не утомлять себя, беречь свое здоровье, Владыка обыкновенно отвѣчалъ: „Это теперь мое единственное духовное утѣшеніе“.

Въ послѣдніе дни своей скорбной жизни Владыка какъ бы постепенно отрѣшался отъ земнаго грѣшнаго міра; весь уходя въ себя, почти забылъ о всѣхъ и обо всемъ; но и въ эти тяжелыя минуты онъ не забывалъ постоянно осѣнять себя и другихъ крестнымъ знаменемъ, и когда рука его стала уже ослабѣвать, онъ старался осѣнять себя этимъ знаменіемъ при помощи окружавшихъ, преданныхъ ему лицъ.

Господь послалъ святителю добрую кончину; онъ уснулъ мирно и безмятежно, уснуть, можно сказать, сномъ праведника.

Нашъ великій учитель вѣры и благочестія ясно сознавалъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва, что любящій Бога, а не любящій своего ближняго брата,—не есть истинный христіа-

нинъ. Въ силу такого міровоззрѣнія, перешедшаго у почи-
вшаго въ твердое убѣжденіе, преосвященный Сильвестръ во
всю свою жизнь старался о томъ, чтобы всѣми зависящими
отъ него мѣрами, оказывать добро лицамъ скорбящимъ,
нуждающимся и обремененнымъ. Скромный въ высшей сте-
пени въ удовлетвореніи своихъ нуждъ, въ пищѣ и одеждѣ,
почившій Владыка весьма значительную долю своихъ
средствъ удѣлялъ бѣднымъ и неимущимъ. Всѣ мы знаемъ,
какъ въ теченіе многихъ лѣтъ бѣдные, даже интеллигентные,
цѣлыми толпами (особенно въ 1-ое число каждаго мѣсяца)
приходили къ нему за пособіемъ, которое онъ раздавалъ
щедрою десницею. Постигнетъ ли, бывало, кого-либо тяжкое
горе, особенно смерть главы семьи, и если узнаетъ объ
этомъ Владыка, немедленно спѣшитъ на помощь, нерѣдко
даже безъ просьбы родныхъ. И въ своемъ духовномъ за-
вѣщаніи онъ не забылъ бѣдную, нищую братію и бѣдныхъ
духовнаго званія. Эта помощь нерѣдко передавалась и че-
резъ наше посредство.

Кромѣ того, Владыка былъ всегда очень отзывчивъ на
нужды разныхъ благотворительныхъ обществъ, бѣдныхъ
храмовъ (свои иконы онъ пожертвовалъ въ одну бѣдную
кавказскую церковь); немало жертвовалъ на нужды миссіи
(иногда цѣлыя тысячи), на пособіе ученымъ труженикамъ
науки (при Кіевской Академіи вложилъ капиталъ для
премій).

Эта самая симпатичная и разнообразная дѣятельность
Владыки не поддается нашему блѣдному изображенію, такъ
какъ Владыка, по завѣту Спасителя, старался дѣлать добро
втайнѣ, такъ, чтобы шуйца не вѣдала о томъ, что творить
его десница. Нерѣдко совершенно случайно отъ окружаю-
щихъ его лицъ мы узнавали о крупной жертвѣ Владыки
на то или другое доброе дѣло.

Преосвященнѣшіе Владыки, возлюбленные о Господѣ
собратья, питомцы нашей школы!

Возблагодаримъ Господа Бога, что Онъ Милосердный въ наше, оскудѣвающее вѣрою и благочестіемъ, время посылаетъ намъ такихъ сильныхъ духомъ молитвенниковъ и такихъ истинно добродѣтельныхъ мужей, каковъ былъ почившій святитель.

Будемъ, согласно завѣту почившаго Святителя, усердно молить Господа, да вселитъ Онъ Милосердный новопреставленнаго Еп. Сильвестра въ селенія праведныхъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

Твердо уповаемъ, что Господь умножитъ сонмъ молитвенниковъ кіево-братскихъ новымъ молитвенникомъ въ лицѣ новопреставленнаго епископа Сильвестра.

Ты же, святитель Божій, не оставляй насъ своими святыми молитвами предъ престоломъ Всевышняго, и за гробомъ, какъ ты горячо молился о всѣхъ насъ въ этомъ грѣшномъ мірѣ. Аминь.

Прот. І. Корольковъ.

РѢЧЬ

при погребеніи преосвященнаго Сильвестра ¹⁾).

Святителю Божій,
Незабвенный Архипастырь,
Дорогой, Глубокоочтимый Наставникъ!

Съ молитвеннымъ благоговѣніемъ, съ сыновней любовью Кіевская духовная Академія окружаетъ твой гробъ и провожаетъ Тебя въ путь всея земли.

Давно уже Ты пребывалъ внѣ академическихъ стѣнъ и стоялъ въ сторонѣ отъ теченія нашей обыденной жизни. Но, отдѣленный пространственно отъ Академіи, Ты былъ духомъ съ нею. А мы и не могли перестать считать Тебя своимъ... И вотъ, въ настоящій часъ въ лицѣ Твоемъ мы провожаемъ въ могилу своего архипастыря и отца, самаго почетнаго и самаго дорогого члена нашего академическаго братства.

Не можемъ не чувствовать тяжести нашей утраты. Готовы при видѣ гроба твоего воскликнуть вмѣстѣ съ пророкомъ: *отче, отче, колесница Израилева и конница ея!* Не можемъ не скорбѣть о разлукѣ съ Тобою, дорогой Наставникъ,

¹⁾ За продолжительностью богослуженія рѣчь не была произнесена.

потому-что слишкомъ многими нитями съ твоею жизнью переплелась нѣкогда жизнь каждаго изъ насъ...

Но не скорбь есть то, что прежде всего наполняетъ душу при видѣ гроба твоего. Картина смерти, созерцаемая нами въ настоящій часъ, какъ-бы лишена обычно присущаго ей мрачнаго колорита. Смерть явилась для Тебя только желаннымъ покоемъ отъ долгихъ трудовъ, многихъ скорбей и немощей,—естественнымъ, давно жданнымъ, концомъ долголѣтней жизни. Какъ о великомъ праотцѣ народа Божія, о Тебѣ можно сказать: *ослабѣвъ, умре въ старости добрый, старецъ исполненъ дней, и приложися къ людямъ своимъ...* Видѣ гроба твоего, поэтому, не столько уныніемъ наполняетъ нашу душу, сколько укрѣпляетъ ее надеждой; не столько говоритъ о бренности всего живущаго, сколько свидѣтельствуешь о томъ, какія великія силы заключены въ глубинѣ человеческого духа, какую богатую сокровищницу добра можетъ собрать онъ и въ тотъ краткій срокъ, который благоволилъ Вседержитель назначить для земного нашего пребыванія...

Да, почившій архипастырь былъ именно человекъ великой силы духа. Богатыя природныя дарованія соединились въ немъ съ неустаннымъ трудолюбіемъ, глубокія научныя стремленія сочетались съ высотой христіанской жизни. Главнымъ жизненнымъ дѣломъ почившаго Владыки было служеніе богословской наукѣ. И въ этомъ служеніи онъ явилъ намъ высокій примѣръ никогда не оскудѣвающихъ стремленій къ истинѣ. Своихъ ученыхъ трудовъ онъ не прерывалъ до глубокой старости. Отъ нихъ не отрывали его ни немощи, ни тѣ многочисленныя занятія, которыми онъ всегда былъ обремененъ. Удивительнымъ, непонятнымъ для многихъ образомъ онъ для всего умѣлъ найти время, и всѣ свои дѣла, большія и малыя, исполнялъ съ неослабнымъ вниманіемъ.

Но научныя стремленія не были для почившаго Владыки только потребностію ума. Христіанская наука въ лицѣ его сочеталась въ гармонію съ жизнью. Исслѣдователь истинъ вѣры въ области научной—почившій архипастырь и въ жизни своей былъ правиломъ вѣры. Поистинѣ, о немъ можно сказать, что онъ принадлежалъ къ многочисленному сонму тѣхъ, которые вѣрою *содѣлаша правду, вознемогша отъ немощи, быша крѣпцы во бранѣхъ*. Ему, немощному, въ молодыхъ еще годахъ почти совсѣмъ лишившемуся зрѣнія, только вѣра дала силы совершить тотъ великій жизненный трудъ, который онъ совершилъ... И являясь для всѣхъ насъ правиломъ вѣры, почившій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ образомъ кротости, учителемъ воздержанія. И его смиренный видъ, и его скромное жилище, и вся его жизнь, полная простоты, даже лишеній, совершенно чуждая мірскаго шума и блеска,—все это глубоко назидательно, незабвенно для тѣхъ, кто зналъ почившаго Владыку. А кто изъ посѣтителей св. храма сего не умилился молитвенною настроенностью Владыки Сильвестра! Кто не зналъ о его щедрой благотворительности, привлекавшей къ нему множество нуждающихся и обездоленныхъ со всѣхъ концовъ нашего города!

Но почившій архипастырь, подвижникъ благочестія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общественный дѣятель.

Каждое время имѣетъ свои особыя задачи и требуетъ своихъ особыхъ добродѣтелей. *Всѣмъ время и время всякой вещи подъ небомъ*, говоритъ Премудрый. *Время хранить и время отрѣзати; время молчати и время глаголати; время любити и время ненавидѣти, время брани и время мира*. Поэтому оцѣнка крупныхъ общественныхъ дѣятелей, къ числу которыхъ принадлежалъ почившій архипастырь, обыкновенно колеблется. Тотъ, кого превозносятъ въ одно время, въ другое нерѣдко унижается, и наоборотъ, человѣкъ, совсѣмъ не цѣнимый однимъ поколѣніемъ, становится кумиромъ для другого. Имя Владыки Сильвестра принадлежитъ уже исторіи,

и она будетъ цѣнить его. Но какъ-бы ни измѣнялись приговоры ея, мы увѣрены, во всѣ времена и во всѣхъ областяхъ будутъ имѣть величайшую цѣнность тѣ качества, которыя отличали почившаго архипастыра. Качества эти—нелицемерное самоотверженное исполненіе своего долга, безъ различенія большихъ и малыхъ дѣлъ, согласованіе своихъ дѣйствій съ внутренними убѣжденіями. Въ области научной дѣятельности эти свойства являются истиннымъ источникомъ творчества, а въ жизни церковной—залогомъ преуспѣянія дѣла Христова на землѣ. Поэтому, обладавшій этими свойствами почившій Наставникъ нашъ золотыми буквами вписалъ свое имя не только въ исторію Кіево-Братскаго училища, но и въ исторію Христовой Церкви.

Благослови, Святителю Божій, ту школу, которая, близка была твоему сердцу. Помолись о томъ, чтобы идя въ уровень съ справедливыми требованіями времени, совершенствуясь и развиваясь, она сохраняла тотъ духъ нелицемернаго служенія истинѣ, носителемъ котораго Ты былъ. Тебѣ же да воздастся тотъ вѣнецъ правды, которымъ вѣнчаетъ Господь всѣхъ подвижающихся во славу Его святаго имени!

Вл. Рыбинскій.

Полученныя Академіей выраженія соболѣзнованія по поводу кончины преосвященнаго Сильвестра.

Въ единеніи съ Академіей молюсь о блаженно почившемъ приснопамятномъ для нея епископѣ Сильвестрѣ.

Архіепископъ Димитрій.

Положите за меня поклонъ предъ гробомъ святителя смиреннаго мудреца и подвижника.

Архіепископъ Антоній.

Вѣчный покой нашему праведному святителю.

Архіепископъ Платонъ.

Совершивъ заупокойную молитву по приснопамятномъ нашемъ наставникѣ преосвященномъ Сильвестрѣ, раздѣляемъ скорбь родной нашей матери Кіевской духовной Академіи, лишившейся въ лицѣ почившаго епископа Сильвестра знаменитаго богослова, незабвеннаго питомца, наставника и начальника нашей родной Академіи.

Бывшіе воспитанники Кіевской Академіи: Архіепископъ Арсеній. Протоіерей Іоаннъ Гончаревскій. Андрей Балановскій. Николай Любарскій. Петръ Ооминъ. Священники: Леонидъ Твердохлбовъ. Іоаннъ Филевскій. Евгеній Оболенскій. Владиміръ Шаповаловъ. Секретарь Консисторіи Иванъ Самойловичъ. Преподаватели: Василій Нономаревъ. Иванъ Евецкій. Михаилъ Кокоревъ.

Спѣшу присоединиться къ молитвамъ матери нашей Кіевской Академіи объ упокоеніи души приснопамятнаго дорогаго учителя нашего преосвященнаго Сильвестра.

Епископъ Назарій.

Сыновне кланяюсь земно священному гробу блаженнаго отца нашего святителя Сильвестра, бывшаго правиломъ вѣры, образомъ кротости, учителемъ воздержанія для всѣхъ вѣрныхъ чадъ Божіей церкви.

Епископъ Димитрій.

Памятуя труды для Кіевской Академіи и богословской науки въ Бозѣ почившаго святителя Сильвестра и помолившись въ кафедральномъ соборѣ о упокоеніи чистой души его, просимъ нашу незабвенную Alma mater принять наше соболѣзнованіе по случаю кончины доблестнаго сына и охранителя добрыхъ завѣтовъ ея.

Епископъ Никодимъ. Андрей Пархомовичъ. Иосифъ Пархомовичъ. Протоіерей Лашковъ. Протоіерей Казанскій. Иванъ Буйницкій. Павелъ Лотоцкій. Протоіерей Поповичъ. Федоръ Флоря. Петръ Сладкопѣвецъ. Михаилъ Смирновъ. Руиновъ Аннинскій. Полихрони. Хартія. Гребенетскій. Сеященникъ Гіляровъ. Щегловъ. Хондру. Сучеванъ. Филатовъ. Багинскій. Булашевъ. Протоіерей Василевскій,

Питомцы Академіи, помолившись въ Тифлисской Квашетской Георгіевской церкви о упокоеніи души въ Бозѣ почившаго своего бывшаго ректора преосвященнаго Сильвестра, выражаютъ родной Академіи чувства искреннѣйшаго соболѣзнованія по поводу кончины ея достославнаго воспитанника, выдающагося ученаго, теплаго молитвенника и свѣтила церкви Христовой.

Протоіерей Маркъ Ткемаладзе. Іоаннъ Бутырскій. Никита Талаквадзе. Священники: Кал-

мистратъ Цинцадзе. Христофоръ Джіоевъ. Преподаватель Николай Махатадзе. Учитель Стефанъ Селиховъ.

Дорогой Академіи дерзаю выразить мою глубокую боль по случаю смерти преосвященнаго Сильвестра. Да будутъ заѣты его девизомъ Академіи.

Священникъ *Емилианъ Омеляновичъ.*

Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Позвольте мнѣ въ этомъ надгробномъ письмѣ выразить Вамъ, какъ первостоятелю Кіевской духовной Академіи, мою душевную скорбь, переживаемую мною при горестномъ извѣстіи о кончинѣ приснопамятнаго святителя, епископа Сильвестра.

Умеръ епископъ Сильвестръ, достойный архіерей и духовный отецъ многихъ архіереевъ, пастырь добрый, неуязвимая слава русской академической науки. Въ лицѣ его рушился величественный храмъ богословія, который еще остается у насъ. И богословіе въ немъ свидѣтельствовалось, какъ жизнь, равная ученію, и какъ ученіе, равное жизни, одухотворенной силой Бога-Слова. И потому почившій святитель былъ подлинно „благочестія наставникъ“ и адамантовый богословъ, дышавшій одной наукой, любившій одну истину, такъ безжалостно теперь разсѣкаемую и отсѣкаемую отъ жизни.

Науки! Общая обитель дружбы! Дорогая Академія! Родная мать кормилица, давшая мнѣ раннія условія и святія начала истинной мудрости! Вмѣстѣ съ тобою бьется мое сердце въ эти минуты, въ эти дни заукойныхъ молитвъ и воздыханій по отшедшемъ въ страну вѣчности, епископѣ Сильвестрѣ,—и я, какъ вѣрный питомецъ твой, молитвенно раздѣляю твою великую печаль и вмѣстѣ съ тобой оплаки-

ваю блаженную кончину моего незабвеннаго наставника и духовнаго отца!

Да упокоить же Христось—Ипостасная Премудрость—горній духъ святителя Сильвестра въ нѣдрахъ неизреченной любви Своей.

Вашего Преосвященства покорнѣйшій слуга и молитвенникъ, питомецъ Кіевской духовной Академіи, приватъ-доцентъ, Императорскаго Харьковскаго Университета и законоучитель Харьковскаго Коммерческаго училища Императора Александра III, магистръ богословія, священникъ *Іоаннъ Филевскій*.

† Преосвященный Сильвестръ, какъ догматистъ.

Онъ открылъ то духовное содержаніе, которое вложено въ догматическія формулы, освободилъ духъ и истину изъ ея словесной оболочки. Догматы, сказалъ онъ, не формула, а сила и духъ, и задача догматиста прослѣдить исторически, какъ они являли въ себѣ и собою духъ и силу, слагаясь мало-по-малу и въ опредѣленныя формулы, составляющія какъ бы капитализацію или конденсацію ихъ.

Проф. А. И. Введенскій.

Настоящая *номинальная* замѣтка далека отъ мысли дать полное и всестороннее освѣщеніе догматической системы не только большой, но и великой. И это тѣмъ болѣе, что капитальный трудъ преосв. Сильвестра почему-то до сихъ поръ почти не обсуждался въ богословской литературѣ.

Въ высшей степени странно было отношеніе ученой критики къ догматикѣ преосв. Сильвестра. Спросите каждаго занимавшагося богословіемъ, получившаго духовное образованіе не ниже семинарскаго, объ этой догматикѣ: каждый знаетъ о ней и никто не дерзнетъ суда навести хульна ей. Между тѣмъ ученая критика и встрѣтила ее, и проводила по всѣмъ изданіямъ полнымъ молчаніемъ. Написанная не для диплома (докторство преосв. Сильвестръ получилъ за „Ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства“ въ 1873 г.), она не могла имѣть оффиціального отзыва. Епископскій ли санъ автора и видное общественное положеніе его заграждали здѣсь уста или были другія

причины, но до сихъ поръ богословію преосв. Сильвестра посвящена одна только спеціальная статья проф. А. И. Введенскаго „Сравнительная оцѣнка догматическихъ системъ высокопреосвященнаго Макарія и архимандрита Сильвестра“ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за 1886 г. (кн. февр., мар. и апр.). Хотя статья представляетъ собою студенческое семестровое сочиненіе нынѣ извѣстнаго профессора и появилась по выходѣ только 3 томовъ догматики преосв. Сильвестра, но многія сужденія ея о послѣдней могутъ быть повторены и нынѣ, когда догматику преосв. Сильвестра приходится сопоставлять съ рядомъ новыхъ монографій и даже цѣлыми системами. Кромѣ этой статьи о трудѣ преосв. Сильвестра не встрѣчается даже бѣглыхъ замѣчаній. Достаточно сказать, что его трудъ не упомянуть въ „Письмахъ о русскомъ богословіи“ П. В. Никольскаго (вып. 1, Спб. 1904 г.) и въ указателѣ „Что читать по богословію?“ проф. прот. П. Я. Свѣтлова (Кіевъ. 1907. Названо 1820 №№ книгъ).

Но одно обстоятельство вполне вознаградило преосв. Сильвестра за это обидное молчаніе. Сравнительно недавно появилась далеко не законченная еще новая догматическая система прот. Н. Малиновскаго. И вотъ на магистерскомъ коллоквиумѣ почтенному автору пришлось выслушать (отъ того же проф. А. И. Введенскаго) горькій упрекъ въ томъ, что его система кое въ чемъ ниже системы преосв. Сильвестра (представляетъ „возвращеніе къ Макарьевскимъ традиціямъ“). Тогда же о догматикѣ преосв. Сильвестра высказано лестное сужденіе, стоящее эпиграфомъ къ нашей замѣткѣ. Это обстоятельство даетъ полное право сказать о догматикѣ преосв. Сильвестра, что она до сихъ поръ не превзойдена.

Преосв. Сильвестръ принялся за догматику, когда русская наука владѣла трудомъ въ этой области на тогдашній взглядъ солиднымъ и съ богатою эрудиціей. Разумѣемъ

такъ называемыя большую и малую догматики митр. Макарія. Последнему пришлось въ качествѣ ревизора Академіи дать отзывъ о лекціяхъ архим. Сильвестра и онъ въ отчетѣ назвалъ ихъ „неудовлетворительными“. Говорятъ, что это тяжелое обвиненіе, едва не имѣвшее слѣдствіемъ удаленіе преосв. Сильвестра изъ Академіи, было вызвано рѣзкимъ различіемъ въ методѣ разработки науки у молодого тогда профессора въ сравненіи съ извѣстнымъ догматистомъ. Преосв. Сильвестръ дѣйствительно оказался удачнымъ соперникомъ митр. Макарія.

Много дѣлалось и дѣлается нападокъ, и письменно, и еще болѣе устно, на догматику митр. Макарія, и такъ называемую большую, и особенно малую (нынѣшній семинарскій учебникъ). Даже сдержанный Хомяковъ не останавливается предъ названіемъ ея „жалкою дребеденью“. Рѣзкость и брань всегда непріятны. Но въ данномъ случаѣ болѣе обидны, чѣмъ этотъ отзывъ (принадлежащій все же талантливому и оригинальному богослову), сужденія о богословіи неутомимаго труженника, принадлежащія людямъ, не создавшимъ ничего лучшаго. Православное общество въ его цѣломъ, особенно общество стараго воспитанія, было снисходительнѣе и можетъ быть справедливѣе къ трудамъ митр. Макарія. При всѣхъ недостаткахъ его системы оно не забывало и нѣкоторыхъ достоинствъ ея. До сихъ поръ не вытѣсненная лучшимъ руководствомъ изъ русскихъ духовныхъ семинарій ¹⁾,

¹⁾ На прошломъ конкурсномъ экзаменѣ въ Кіевской Академіи можно было замѣтить, что воспитанники тѣхъ семинарій, гдѣ уже совершенно изъять изъ употребленія учебникъ м. Макарія и замѣненъ напр. руководствомъ прот. Малиновскаго, давали не столь солидные (особенно по богатству библейскаго матеріала) отвѣты, какъ готовившіеся, даже исключительно, по митр. Макарію.

догматика митр. Макарія служить учебникомъ богословія по всему православному востоку.

Въ сравненіи съ прежними системами (митр. Платона, прот. Терновскаго, архим. Антонія) догматика митр. Макарія была такимъ большимъ шагомъ впередъ, величина котораго могла быть не видна только людямъ, совершенно незнакомымъ съ исторіей русскаго богословія (а кто знакомъ съ ней и изъ присяжныхъ русскихъ богослововъ и духовныхъ публицистовъ?). Митр. Макарій съ гордостью могъ сказать о своей системѣ: *faciant meliora... posteriores*. И изъ его преемниковъ,—которыхъ уже насчитывается нѣсколько,—преосвященному Сильвестру удалось сдѣлать наибольше и наилучше.

Два новыхъ приѣма ввелъ преосв. Сильвестръ въ разработку догматики, и они именно сдѣлали изъ нея живую и до сихъ поръ неподражаемую систему. За пониманіемъ и выясненіемъ догматовъ преосв. Сильвестръ обратился къ живому религіозному сознанию церкви. „Пусть догматистъ никогда не отрѣшается отъ общаго религіознаго сознанія вселенской церкви, а пусть всегда живетъ имъ, какъ своею жизненною стихіею, пусть всегда глубоко проникается и одушевляется духомъ истины и вѣры, всегда присущимъ какъ всей церкви, такъ и истиннымъ и живымъ ея членамъ“¹⁾. Этимъ обращеніемъ отъ буквы догматовъ къ внутреннему сознанию церкви преосв. Сильвестръ и сообщилъ своей догматикѣ ту жизненность, которою она выгодно отличается отъ догматики митр. Макарія. Нѣкоторые шаги къ такой жизненности дѣлаетъ уже и промежуточное между

¹⁾ *Еп. Сильвестръ*. Опытъ прав.-догм. богословія. Т. I. Изд. 3. Кіевъ, 1892. Стр. 43.

этими догматиками „Православное догматическое богословіе“ Филарета арх. Черниговскаго (Черниговъ, 1864). Не была ли отдаленной причиной такого новаго направленія въ нашей догматикѣ литературная дѣятельность славянофиловъ, и въ частности начинавшаяся уже слава Хомякова съ его ученіемъ о церкви? ¹⁾).

Благодаря привнесенію такого начала въ разработку богословскаго матеріала, освѣщеніе догматовъ у преосв. Сильвестра другое, чѣмъ у митр. Макарія. „Для перваго догматъ,—говоритъ проф. Введенскій въ упомянутой статьѣ—есть нѣчто отвѣтъ на меня возлагаемое, для послѣдняго догматъ есть не только ярмо, налагаемое на меня отвѣтъ, но мною самимъ желаемое, какъ согласное съ существенными требованіями моей природы, норма и основа религіозно-нравственной жизни“ (стр. 133). Короче говоря, первый освѣщаетъ догматъ съ „объективной стороны“, второй съ „субъективно-психологической“ (тамъ же).

Другое начало, положенное преосв. Сильвестромъ въ основу своей работы,—это историко-генетическое изслѣдованіе догматовъ. Митр. Макарій вполнѣ сознавалъ все значеніе святоотеческаго ученія объ истинахъ вѣры и въ своей догматикѣ отводитъ самое широкое мѣсто патристическому элементу. Но этотъ элементъ играетъ у него второстепенную роль: онъ ищетъ въ немъ только подтвержденія и объясненія извѣстныхъ догматическихъ положеній, извлеченныхъ изъ Св. Писанія и символическихъ книгъ православной церкви. Намѣчая методъ, котораго должна держаться догматика и которому онъ самъ намѣренъ слѣдовать, митр.

¹⁾ Догматика преосв. Сильвестра начата печатаніемъ на страницахъ академическаго журнала въ 1877 году. Въ 1879 году разрѣшено печатаніе и обращеніе въ Россіи сочиненій Хомякова (Сочин. А. Хомякова, т. II, стр. 90).

Макарій говорить, что послѣ точнаго опредѣленія догмата словами того или иного исповѣданія церкви, нужно подтвердить его Св. Писаніемъ, а изъ Св. Преданія приводить свидѣтельства „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтельства Писанія или не довольно ясны и полны, или подвергаются разнымъ толкованіямъ и спорамъ; но нѣтъ необходимости приводить мѣста изъ преданія тамъ, гдѣ мѣста изъ Писанія совершенно ясны и опредѣленны, такъ что не подвергаются никакимъ сомнѣніямъ и перетолкованіямъ ни со стороны православныхъ, ни даже со стороны неправославныхъ, напр. въ ученіи о нѣкоторыхъ свойствахъ Божіихъ“¹⁾.

По мнѣнію преосв. Сильвестра догматъ вовсе не есть что-либо столь законченное въ своемъ развитіи, столь опредѣленное по своей формулировкѣ, чтобы онъ требовалъ только подтвержденія и объясненія. Онъ допускаетъ отчасти и новыя формулы. Самъ Спаситель сообщалъ истину „не безотносительно къ умственному и нравственному развитію“ слушателей, „а всегда примѣняясь къ степенямъ ихъ душевныхъ возрастовъ и къ образамъ ихъ представленія и пониманія“. „Потому же и апостолы, хотя всѣ проповѣдывали одну и ту же истину Христову, но не передавали всѣ ее совершенно одинаково буква въ букву“. Такъ и церковь „отнюдь не считала своимъ долгомъ хранить догматы только въ мертвенной неподвижности, ограничиваясь буквальнымъ повтореніемъ того, что было ей вручено, а напротивъ всегда считала своимъ правомъ и обязанностію уяснять эти истины или переводить ихъ на языкъ понятный и общедоступный для каждаго вѣрующаго, а когда оказывалась нужда,—вырабатывать для большаго опредѣленія и утвержденія ихъ болѣе точныя, опредѣленные формы, такъ что дѣятельность церкви въ семъ отношеніи пред-

¹⁾ Правосл. догмат. богословіе, т. I, Спб. 1879, стр. 32.

ставляетъ собою, можно сказать, своего рода внутреннюю, непрерывную діалектическую работу“¹⁾. Опять и здѣсь такое направленіе въ разработкѣ догматическаго матеріала могло быть внушено покойному автору начавшимся въ его время новымъ теченіемъ въ западномъ богословіи—критико-историческими работами Баура надъ первохристіанствомъ и новозавѣтными книгами.

Преосв. Сильвестръ такимъ образомъ былъ очень чутокъ ко всѣмъ запросамъ и требованіямъ современности отъ богословія, и въ томъ, что онъ откликался на нихъ, лежитъ причина его успѣха. Вторая половина XIX вѣка вообще была критическою для западнаго богословія, дала ему теперешнее его, строго научное, историческое направленіе, и на долю покойнаго выпала нелегкая задача приспособить это новое направленіе къ православной догматикѣ. Стоитъ раскрыть богословіе преосв. Сильвестра на любомъ мѣстѣ, чтобы увидѣть, что это трудъ столько же систематическій, сколько историческій. Тогда какъ у митр. Макарія отеческія свидѣтельства о догматахъ занимаютъ немного мѣста и не всегда приводятся въ хронологическомъ порядкѣ, у преосв. Сильвестра эти свидѣтельства рассматриваются по періодамъ, благодаря чему дается историческая картина раскрытія догмата.

Реформа—дѣло не столь легкое, чтобы она могла быть выполнена единичными силами человѣка и въ короткій промежутокъ времени. Уже величіе замысла преосв. Сильвестра должно было напередъ говорить за то, что этотъ замыселъ исполнѣн и вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ осуществленъ не будетъ.

То была, конечно, вѣрная и плодотворная мысль—отъ мертвыхъ формулъ обратиться къ живому религіозному со-

¹⁾ Т. I, стр. 33—34.

знанію церкви. Но какъ преосв. Сильвестръ понималъ это сознаніе? Отсылая догматиста къ этому сознанію, приглашая (въ вышеприведенной выдержкѣ) „проникаться и одушевляться духомъ истины и вѣры, всегда присущимъ какъ всей церкви, такъ и истиннымъ и живымъ членамъ ея“, преосв. Сильвестръ этотъ „духъ“, это „религіозное сознаніе“ видитъ только „въ живомъ словѣ вѣры, непрерывно проповѣдуемомъ богоучрежденными пастырями и учителями слова, которое близко къ самому сердцу каждаго вѣрующаго (Рим. 10, 8)“, Такимъ образомъ высокое увѣщаніе догматисту проникаться духомъ истины, живущимъ въ церкви, переходитъ у покойнаго автора и сводится къ совѣту: „пусть (догматистъ) не бываетъ невнимателенъ и глухъ къ живому слову вѣры, проповѣдуемому вездѣ въ церкви блюстителями божественной истины“¹⁾. Если освободить отъ реторики эти тирады, то окажется, что преосв. Сильвестръ спасеніе для догматики видѣлъ въ широкомъ пользованіи современными проповѣдями и богословскими сочиненіями. Но часто ли въ тѣхъ и другихъ звучитъ слово апостольской силы, „близкое къ самому сердцу каждаго вѣрующаго“? И помимо того—неужели религіозное сознаніе исчерпывается такими лишь формами? Не слишкомъ ли бѣдно человѣческое слово, чтобы воплотить религіозное сознаніе, духъ истины, „которымъ дышетъ и живетъ церковь“, воплотить его весь, безъ остатка? Не выражается ли этотъ „духъ“, это „живое религіозное сознаніе“ въ чемъ-нибудь глубже, цѣлостнѣе и непрерывнѣе, чѣмъ въ „проповѣдуемомъ словѣ“? Этотъ „духъ“, это „сознаніе“ выражается во всей жизни церкви, въ ея дѣятельности, въ ея богослуженіи, искусствѣ, и догматистъ подвергается опасности быть одностороннимъ и неглубокимъ, если онъ остановится только на „словѣ“. „Слово“—

¹⁾ Т. I, цит. изд., стр. 43.

то и погубило схоластику. Апостольское благовѣстіе потому и было столь сильно, что оно возглашалось „не въ препрѣтельныхъ -человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы“.

Вполнѣ сознавъ, что за словесной оболочкой догмата скрывается „духъ и сила“, преосв. Сильвестръ т. о. не измѣнилъ традиціонныхъ взглядовъ на источники догматики. Онъ только равномѣрнѣе распредѣлилъ пользованіе этими источниками, поднялъ патристическій матеріалъ въ догматикѣ на должную высоту, при которой онъ не подавлялся и не затѣнялся библейскимъ матеріаломъ.

Не довелъ до конца преосв. Сильвестръ и другаго новаго начала, введеннаго имъ въ разработку догматической науки,—своего историко-генетическаго метода. Исторія догмата у него начинается съ ученія мужей апостольскихъ, между тѣмъ какъ и апостольское богословіе имѣло свою исторію и даже нѣкоторую борьбу мнѣній. Преосв. Сильвестръ не касается исторіи догмата въ апостольское время. У богослова, пишущаго послѣ Баура, да еще въ періодъ не умершей славы его, это было бы полезнымъ добавленіемъ. Догматъ хотя въ меньшей степени, чѣмъ у м. Макарія, и у преосв. Сильвестра является чѣмъ-то сразу и механически вложеннымъ въ церковное сознаніе, готовой, хотя менѣе сложной, чѣмъ у м. Макарія, формулой, объявленной Богомъ человѣку. Между тѣмъ какъ, будучи истиной, превышающей не только человѣческое разумѣніе, но и слово, догматъ у самихъ апостоловъ не могъ не искать для себя все болѣе и болѣе отчетливаго выраженія, не могъ обниматься во всей его божественной широтѣ и высотѣ умомъ одного апостола. Христологія, напр., ап. Петра лишь въ зародышѣ заключаетъ идеи ап. Павла и т. п.

Не даетъ преосв. Сильвестръ историко-генетической разработки и ветхозавѣтному матеріалу догматики. Между тѣмъ сразу ясно, какую интересную постановку сообщилъ

бы такой пріемъ всей такъ называемой общей части догматики,—ученію о Богѣ въ Себѣ и о твореніи и промысленіи. На глазахъ преосв. Сильвестра производилась на западѣ широкая разработка библейскаго ветхозавѣтнаго богословія. Во всѣхъ курсахъ Св. Писанія и библейской исторіи считались обязательными главы о патріархальной религіи, о богословіи пр. Исаи, Даніила. Появлялись и спеціальныя работы о библейскомъ богословіи. Отрицательная критика переворачивала въ этой области все вверхъ дномъ. Было ли въ правѣ догматическое богословіе въ виду всѣхъ этихъ фактовъ гордо заключиться само въ себя, какъ будто дѣло шло о вещахъ, совершенно не касающихся его? Оправданіемъ для русскаго богословія здѣсь впрочемъ можетъ служить то, что и западная догматика ставила и ставить себя въ сторонѣ отъ этихъ задачъ.

Послѣ общей характеристики догматической системы преосв. Сильвестра, можно перейти къ частностямъ. Мы остановимъ вниманіе только на болѣе важныхъ отдѣлахъ системы, показавъ, что въ каждомъ случаѣ даетъ новаго преосв. Сильвестръ въ сравненіи съ прежними русскими системами, что прибавлено къ нему потомъ и насколько удачно онъ выполняетъ каждый разъ свою задачу.

Прежде всего—въ *дѣленіи* догматики преосв. Сильвестръ отступаетъ отъ митр. Макарія. Послѣдній дѣлитъ ее на 1) ученіе о Богѣ и общемъ отношеніи Его къ міру и 2) на ученіе объ особенномъ отношеніи Бога къ міру, выразившемся въ искупленіи и спасеніи послѣдняго. Преосв. Сильвестръ, возвращаясь къ дѣленію Теофана Прокоповича, Иринея Фальковскаго, Теофилакта Горскаго, прот. Терновскаго и архим. Антонія, дѣлитъ догматику на 1) ученіе о Богѣ въ самомъ себѣ и 2) ученіе объ отношеніи Бога къ міру. Преимущества перваго дѣленія указывали въ томъ, что оно со-

общаетъ болѣе христіанскій колоритъ наукѣ и даетъ болѣе равномерныя части. Дѣленіе преосв. Сильвестра естественнѣе. Противъ него можно развѣ сказать, что о Богѣ въ самомъ себѣ мы очень мало знаемъ, чтобы изъ ученія объ этомъ дѣлать не главу лишь, а одну изъ 2-хъ частей науки. Пишущему эти строки лично болѣе нравится дѣленіе догматики у Мартенсена—по Лицамъ Св. Троицы, причемъ твореніе и промышленіе приурочивается, вѣдѣ за Никейскимъ символомъ, къ ученію о Богѣ Отцѣ, а эсхатологія къ ученію о Сынѣ Божіемъ.

Въ наукѣ большое значеніе имѣетъ *опредѣленіе* самаго предмета ея. Оно устанавливаетъ объемъ науки. Въ опредѣленіи догмата у преосв. Сильвестра нѣтъ существенной разницы съ митр. Макаріемъ, кромѣ нѣсколькой большей раздѣльности въ разграниченіи моментовъ понятія: теологичность и законообязательность у митр. Макарія объединены въ признакъ догмата, какъ „непререкаемаго и неизмѣннаго правила спасительной вѣры“. То же опредѣленіе догмата повторяется (словами преосв. Сильвестра) у прот. Малиновскаго. Митр. Макарію т. о. принадлежитъ честь первой научной формулировки понятія, которое въ предыдущихъ догматикахъ не имѣло столь полнаго и удовлетворительнаго опредѣленія.

Въ сравненіи съ догматикой митр. Макарія и предшествовавшими, преосв. Сильвестръ вводитъ новую главу, точнѣе говоря—собственно догматику (послѣ исторіи науки) начинаетъ новой главой: „Истина бытія Божія“. Эту прибавку нельзя назвать удачной, по крайней мѣрѣ заглавіе ея. Богъ для догматики составляетъ такое же необходимое, исходное предположеніе, какое матерія для физики. Въ самое понятіе догмата входитъ признакъ *богооткровенности*. Глава эта—шагъ назадъ къ схоластикѣ по сравненію съ митр. Макаріемъ. Впрочемъ это можно сказать вполне только о заглавіи ея, которое не вполне соотвѣтствуетъ содер-

жанію: глава и не пытается доказать на почвѣ откровенія бытія Божія, а говорить только о способахъ убѣжденія въ бытіи Божіемъ (для тѣхъ, у кого это убѣжденіе колеблется), т. е. другими словами—о способахъ богопознанія.

И въ этомъ отношеніи глава даетъ нѣсколько живыхъ и плодотворныхъ мыслей, хотя не доведенныхъ до полной мѣры ясности и доказательности и сопровождаемыхъ спорными иногда аргументами. Основная мысль главы—что главное основаніе для убѣжденія въ бытіи Божіемъ представляетъ самый духъ человѣка съ его богоподобной природой. Эта мысль съ большей убѣдительностью развита позднѣе въ соч. проф. В. И. Несмѣлова „Наука о человѣкѣ“ (Т. I. 1898 г., т. II—1903 г.). Въ раскрытіи этой мысли безрезультатной представляется попытка преосв. Сильвестра доказать, что идея Божества коренится не въ разсудкѣ нашемъ, а въ сердцѣ: сердце настолько неопредѣленное въ Св. Писаніи и не научное поэтому понятіе, что введеніе его сюда ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. Психологическій анализъ идеи Божества и оцѣнка способовъ доказательства бытія Божія въ этомъ отдѣлѣ нельзя назвать новыми. Но здѣсь автору можно быть благодарнымъ за широкое ознакомленіе со святоотеческимъ матеріаломъ по этимъ вопросамъ.

§ „О познаваемости Бога“ въ сравненіи съ догматикой м. Макарія и обширнѣе и разработаниѣе. Прибавлено ученіе о непостижимости Божіей Ветхаго Завѣта, но представлено оно только однимъ мѣстомъ Исх. 33. Всѣ приводимые тексты раскрываются, что у митр. Макарія дѣлается только по отношенію 2 Кор. 5, 7 („видимъ... яко зеркаломъ въ гаданіи“). Это раскрытіе не вездѣ одинаковаго достоинства: толкованіе Исх. 33, 22 („узриши задняя Моя“) неубѣдительно и отступаетъ отъ отеческаго. Святоотеческое ученіе и здѣсь, кромѣ того, что дается въ хронологическомъ порядкѣ, изложено обширнѣе чѣмъ у митр. Макарія, но почему-то опускаются приведенныя митр. Макаріемъ очень цѣнныя мѣста

изъ Кирилла Иерусалимскаго: „неужели потому, что я не могу выпить всей рѣки, не буду и умѣренно для пользы моей брать воды изъ нея“ и Іоанна Дамаскина: „Богъ въ самомъ себѣ заключаетъ всецѣлое бытіе, какъ бы нѣкоторое безпредѣльное и безграничное море сущностей“.— Удачно опущены въ этомъ отдѣлѣ такіе тексты въ доказательство непостижимости Божіей: „никтоже знаетъ Сына...“ и „кто бо вѣсть отъ челоуѣкъ“, приводимые митр. Макаріемъ (первый текстъ со словъ св. Іоанна Дамаскина) и говорящіе (особенно второе мѣсто) въ контекстѣ какъ разъ обратное—о полной доступности богопознанія для вѣрующей души (ср. ос. 1 Кор. 2, 7. 8. 10).

Но во всемъ этомъ § преосв. Сильвестръ не устранилъ самаго существеннаго недосмотра митр. Макарія, видимаго противорѣчія между непостижимостью и познаваемостью Божіею. Желательно было, чтобы точнѣе было опредѣлено первое понятіе, разграничено, если это только можно, „постиженіе“ отъ „познанія“. Еще лучше было бы замѣнить первое понятіе „непостижимости“ болѣе точнымъ. Появляясь изъ символическихъ книгъ впервые только въ „Исповѣданіи восточныхъ патріарховъ“, терминъ непостижимости введенъ въ богословіе александрійцами (Климентомъ, Оригеномъ) подъ явнымъ вліяніемъ неоплатонизма. Для поэтического языка молитвъ и пѣснопѣній это слово очень годится (у митр. Макарія цитаты изъ Служебника и Требника), но для точнаго языка науки, кажется, болѣе подходилъ бы Густиневскій терминъ „неизъяснимъ“ (Апол. 2, 6). А всѣ библейскіе аргументы говорятъ только о „невидимости“ Божіей (Іоан. 1, 18. 1 Тим. 6, 16).

Значительный шагъ у преосв. Сильвестра по сравненію съ митр. Макаріемъ и въ отдѣлѣ объ относительномъ *значеніи двухъ способовъ богопознанія*—естественнаго и сверхъестественнаго. Этотъ вопросъ митр. Макарій почему-то совершенно исключаетъ изъ своей системы, хотя у его предъ-

шествениковъ ему посвящены особые параграфы и даже главы (у прот. Терновскаго 50 стр. изъ 262 всей книги, у арх. Антонія 4 §§). Преосв. Сильвестръ исчерпываетъ вопросъ можно сказать вполне. Относительно значенія обоихъ способовъ богопознанія онъ представляетъ не только библейскія свидѣтельства, сопровождая ихъ обширнѣйшими изъясненіями, но прослѣживаетъ все развитіе святоотеческаго ученія объ этомъ предметѣ,—а по вопросу о богодухновенности Св. Писанія знакомитъ даже со взглядами новѣйшаго богословія (но почему-то только протестантскаго). Въ результатѣ этого большаго трактата (45 стр.) авторъ приходитъ, на основаніи гл. о. святоотеческаго ученія по этому пункту, къ такому заключенію объ относительномъ значеніи обоихъ способовъ богопознанія: „растительное сѣмя потому и оживляется, входитъ въ силу и свой ростъ, что, при принятіи имъ соковъ изъ своей почвы, въ то же время безусловно подчиняется дѣйствіямъ свѣта и ниспадающей съ неба влаги, которые входятъ чрезъ это съ нимъ въ органическую связь и единство. Такъ и сѣмя естественнаго боговѣдѣнія, насажденное въ душѣ человѣческой, тогда только правильно развивается и приходитъ въ свою полноту, когда, независимо отъ жизненныхъ соковъ своей духовно-естественной почвы, бываетъ совершенно открыто для вліяній свѣта божественной истины и дѣйствій силы благодати и когда чрезъ это входитъ съ нимъ во внутреннюю органическую связь и внутреннее единство“¹⁾. Хотя сравненіе не доказательство, но въ области догматическихъ истинъ очень часто приходится ограничиваться только аналогіями. По данному же вопросу дальнѣйшее развитіе науки едва ли прибавило что-либо существенное къ сдѣланному преосв. Сильвестромъ.

¹⁾ Т. I, стр. 316.

Отдѣлъ *о свойствахъ Божіихъ*—наименѣе разработанная часть догматики: она оставлялась въ пренебреженіи въ пользу такихъ главъ, какъ троичность и воплощеніе. Стоитъ сравнить въ этомъ отдѣлѣ митр. Макарія съ его предшественниками, чтобы поразиться копоссальностью сдѣланнаго имъ. Кромѣ того, что онъ привлекъ сюда весь библейскій матеріалъ, онъ познакомилъ и съ ученіемъ св. отцевъ по многимъ пунктамъ. Но пытаюсь внести большую раздѣльность, митр. Макарій слишкомъ раздробилъ предметъ. Къ сожалѣнію и преосв. Сильвестръ не только не устранилъ этого недостатка, но пошелъ чуть не дальше, прибавивъ къ рубрикамъ „свойства ума“ и „воли Божіей“ и „свойства чувствованія Божія“, и помѣстивъ въ послѣднюю рубрику м. пр. „любовь Бога къ самому себѣ“.

Заслугу преосв. Сильвестра въ этомъ отдѣлѣ проф. Введенскій справедливо находитъ въ разъясненіи понятія о вездѣприсутствіи Божіемъ. На основаніи даваемого у св. Аѳанасія Великаго разграниченія естества Божія отъ существа (φύσις и οὐσία), преосв. Сильвестръ отличаетъ „образъ существованія Божія по собственному естеству, внутри своего естества, отъ направленія жизнедѣятельности Божіей во внѣ: по первой сторонѣ Богъ является причиной самого себя, въ мірѣ же Богъ существуетъ какъ причина, обращенная своею дѣятельностью во внѣ. Послѣдній образъ существованія Бога представляетъ собою только какъ бы нѣкоторую внѣшнюю окружность внутренняго естества или составляетъ собою только какъ бы нѣчто Ему совнѣ сопутствующее или за нимъ слѣдующее“¹⁾. Этимъ разъясненіемъ устраняется логическое противорѣчіе, въ которое впадаетъ наша мысль, когда представляетъ Бога вездѣсущимъ по Его собственному существу: одно и то же существо находитъ ся сразу въ разныхъ мѣстахъ.

¹⁾ Т. II, 1881 г., стр. 426.

Въ ученіи о *троичности* преосв. Сильвестръ, благодаря своему историческому методу, избѣжалъ тѣхъ повтореній, которыя были неизбѣжны въ прежнихъ догматикахъ, при ихъ логическомъ расчлененіи догмата на ученіе 1) о „дѣйствительности троичности Божіей“ (арх. Антоній; митр. Макарій: „о троичности лицъ въ Богѣ при единствѣ существа“), 2) „о Божествѣ и единосущіи лицъ пресв. Троицы“ (арх. Антоній; митр. Макарій: „о равенствѣ и единосущіи Божескихъ Лицъ“) и 3) о различіи Божескихъ Лицъ по ихъ личнымъ свойствамъ.

Не измѣнивъ прежняго плана въ раскрытіи догмата, митр. Макарій восполнилъ аргументацію его обильными отеческими свидѣтельствами. Но эти свидѣтельства носятъ у него характеръ только подтвержденія для библейскаго ученія (какъ то показываютъ и подзаголовки: „доказательства изъ Св. Писанія“, „доказательства изъ Св. Преданія“), почему эти свидѣтельства не спускаются у него позднѣе IV вѣка.

Преосв. Сильвестръ наоборотъ, какъ и вездѣ въ своей догматикѣ, поставилъ здѣсь себѣ цѣлью представить полную картину постепеннаго раскрытія догмата и въ этомъ отдѣлѣ его историческій методъ разработки науки приложенъ наиболѣе послѣдовательно и блестяще. Это жемчужина его догматики. Въ громадной церковной литературѣ восьми вѣковъ имъ едва ли оставлено по этому вопросу что-либо существенное безъ вниманія. Онъ не ограничивается простой передачей воззрѣній на догматъ того или другого отца; онъ ставитъ эти воззрѣнія въ генетическую зависимость отъ прежнихъ. Многія неясныя выраженія онъ сопровождаетъ комментаріями, которыя даютъ видѣть всю глубину отеческаго богословствованія, скрывающуюся иногда за неясными выраженіями. Правда, по мѣстамъ эти комментаріи, какъ и у митр. Макарія, въ полемическомъ пылу пытаются вложить въ уста св. отца не

принадлежащую ему мысль: нѣкоторыя выраженія отдѣльныхъ отцовъ VI—VIII вѣка, приближающіяся къ ученію *per fidem*, оба преосвященные авторы непременно стараются объяснить въ православномъ смыслѣ (такъ называемомъ „домостроительномъ“), какъ бы забывая, что личная непогрѣшимость въ догматахъ прав. церковью усвоается только апостоламъ.—Соображенія разума въ пользу догмата въ обѣихъ догматикахъ одинаково мало убѣдительны. Но они не лучше на нашъ взглядъ (вопреки мнѣнію объ этомъ нашего сокритика обѣихъ догматикъ) и у Вл. Соловьева. Вообще въ этомъ отношеніи послѣ обѣихъ догматикъ не сдѣлано ничего существеннаго въ наукѣ¹⁾.

Отдѣлъ о *твореніи* и *промыслѣ* у преосв. Сильвестра получилъ существенную переработку по сравненію съ прежними догматиками и большее приспособленіе къ выводамъ естествознанія. Такъ дается подробный разборъ всѣхъ естественно-научныхъ теорій происхожденія міра и человѣческаго рода на землѣ. Моисеево сказаніе о шестидневномъ твореніи міра, въ которомъ дни творенія понимаются (вслѣдъ за митр. Макаріемъ) въ буквальномъ смыслѣ²⁾, примиряется съ данными геологіи тѣмъ, что геологическіе періоды переносятся за первый день творенія. Въ вопросѣ о происхожденіи человѣческихъ душъ преосв. Сильвестръ возвращается къ мысли прежнихъ догматикъ (арх. Антонія) о непосредственномъ твореніи ихъ Богомъ (митр. Макарій допускаетъ естественное происхожденіе душъ дѣтей отъ родителей).

¹⁾ См. впрочемъ Богословскій Вѣстникъ 1904 г., июль—сент. „Догматъ о Св. Троицѣ и полное знаніе“ (анонимъ).

²⁾ Прот. Малиновскій склоняется къ пониманію болѣе широкому, въ смыслѣ періодовъ времени неизвѣстной намъ продолжительности, но „не громадныхъ“ (Прав. догм. богословіе, ч. 2, 1 пол. Ставрополь, 1903. стр. 113).

Лучше всего было бы подобные вопросы, въ которыхъ возможна борьба мнѣній и различное рѣшеніе, не вводить въ область догматики, предметомъ которой должны быть основныя и несомнѣнныя истины вѣроученія (догматика прот. Терновскаго не касается вопроса даже о дняхъ творенія). Въ замѣнъ этого полезнѣе было бы углубиться въ самое понятіе творенія. Проф. Введенскій въ вышеупомянутой статьѣ справедливо находитъ у архіеп. Никанора въ его трудѣ „Позитивная философія и сверхчувственное бытіе“ болѣе такого углубленія, чѣмъ у преосв. Сильвестра, имѣя въ виду напр. такое соображеніе относительно перехода Божественныхъ идей въ реальныя вещи: все реальное бытіе въ совокупности, равно какъ и каждый отдѣльный предметъ, есть произведеніе положительнаго ничто на безконечность по силѣ математической формулы: $\infty \times 0 = 1$ (стр. 336).

Центральнымъ отдѣломъ христіанскаго богословія является ученіе о *спасеніи* или частиѣе объ искупленіи. Для каждой догматической системы посему этотъ отдѣлъ долженъ служить пробнымъ камнемъ. Русская же богословская литература послѣднихъ десятилѣтій справедливо обратила особенное вниманіе на сотеріологію (поводомъ къ чему, можетъ быть, послужило своеобразное рѣшеніе этого вопроса новѣйшимъ нѣмецкимъ богословіемъ въ лицѣ такъ называемой ричліанской школы) и дала солидную монографію по этому предмету: „Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія“ (2 изд. 1907 г.) профессора богословія въ Кіевскомъ университетѣ прот. П. Свѣтлова. Эта монографія, какъ и всѣ работы ричлистовъ, можно сказать посвящена борьбѣ съ такъ называемою юридическою теоріею искупленія, родоначальникомъ которой считается Ансельмъ Кентерберійскій и которою доселѣ объясняло догматъ искупленія научное богословіе всѣхъ трехъ вѣро-

исповѣданій (хотя, можетъ быть, въ различной степени и съ небольшими видоизмѣненіями). Ричлемъ и его школою, дѣйствительно, эта теорія искупленія отвергнута вся безъ остатка, но—цѣною уничтоженія всей объективной стороны искупленія. Что же касается русской монографіи, то, при всѣхъ выдающихся достоинствахъ ея, она своей полемикой противъ этой теоріи доказала только полную невозможность дать какое либо другое объясненіе тайнѣ искупленія, невозможность совершенно исключить отсюда моментъ „правды“ Божіей. Противники юридической теоріи искупленія упрекаютъ ее въ забвеніи любви Божіей при объясненіи тайны искупленія. На нашъ взглядъ такое забвеніе было психологически невозможно: настолько необходимо въ понятіи спасенія мыслится любовь. Но кромѣ любви въ понятіе искупленія входитъ и что-то другое, что можно назвать правдою, гнѣвомъ Божіимъ и т. п. словами; это-то другое требовало въ В. З. такихъ гекатомбъ кровавыхъ жертвъ; оно потребовало и смерти Христа; оно же, по вѣрованію церкви, скажетъ и послѣднее слово отъ Бога міру... Все дѣло въ томъ, чтобы примирить въ понятіи искупленія эти два повидимому несоединимые момента. Анзельму это не удалось, но и никому до и послѣ него.

Позиція, которую занялъ въ этомъ вопросѣ преосв. Сильвестръ, съ особою поразительностью доказала его глубокий религіозный тактъ. Въ опредѣленіи догмата искупленія онъ искусно исключилъ все прибавленное богословіемъ со времени Анзельма къ Свящ. Писанію, въ частности понятія „удовлетворенія“ (satisfactio) и „заслуги“ (meritum), принятыя не только митр. Макаріемъ, но и митр. Филаретомъ въ катихизисъ, и далъ такую точную и краткую формулу догмата: „Первосвященническое служеніе Христово... особенно важно было и такіа принесло важныя послѣдствія, потому что его совершилъ *принесшій Себя въ жертву за грѣхи людей Христосъ, не какъ человѣкъ толь-*

ко, хотя невинный и безгрѣшный, но вмѣстѣ и какъ Сынъ Божій.“ Ни одного лишняго слова противъ Св. Писанія и consensus ecclesiae! Для полноты можно было бы прибавить понятіе выкупа (*λύτρον*), не менѣе библейское, чѣмъ жертва. Но войти въ дальнѣйшее раскрытіе этого послѣдняго понятія и понятія жертвы—значило послѣдовать за Анзельмомъ, а этого явно не хотѣлъ преосв. Сильвестръ и отъ этого его остановило то „обращеніе къ религіозному сознанию всей церкви“, которое онъ рекомендуетъ догматисту въ началѣ своего труда.¹⁾ Въ богословіи не все можно договаривать до конца, ибо оно идейная наука, возвышающаяся надъ словами и понятіями.

Спѣша къ концу, мы не останавливаемся на частныхъ пунктахъ этой части догматической системы преосв. Сильвестра. Замѣтимъ только, что еще проф. Введенскій нашелъ у преосв. Сильвестра недостаточное разграниченіе между первороднымъ грѣхомъ самимъ по себѣ и его слѣдствіями и какъ бы отождествленіе перваго съ послѣдними.

¹⁾ Свящ. І. Орфанитскій въ соч. „Историческое изложеніе догмата объ искупительной жертвѣ Господа нашего І. Христа“ (Москва, 1904 г.) подозрѣваетъ преосв. Сильвестра въ симпатіяхъ къ протестантскому ученію объ *oboedientia activa*, по которому жизнь Христова, полная послушанія Богу Отцу—столь же необходимый моментъ искупительной жертвы Христовой, какъ и смерть Его. Но это подозрѣніе авторъ основываетъ на одномъ только словѣ преосв. Сильвестра. Упомянувъ о принятіи этого ученія протестантствомъ въ Формулѣ согласія,—преосв. Сильвестръ продолжаетъ: „но, къ сожалѣнію, на почвѣ того же протестантства впоследствии времени возникли и совершенно противоположныя ученія объ искупленіи“ (т. IV, стр. 111—112). „Изъ этого „къ сожалѣнію“ и т. д. ясно видно,—говоритъ свящ. Орфанитскій,—ясно видно, что авторъ признаетъ самое протестантское ученіе объ *oboedientia activa* правильнымъ“. Не „правильнымъ“, а „болѣе правильнымъ“, чѣмъ позднѣйшія ученія, напр. социанское.

Изъ дальнѣйшихъ частей системы скажемъ нѣсколько словъ относительно главъ о церкви и эсхатологической. Первая глава выгодно отличается у преосв. Сильвестра отъ прежнихъ русскихъ догматикъ и полнотою своею, и строго-историческимъ характеромъ. Раскрытіе ученія о церкви дано съ первыхъ упоминаній о ней Спасителя и послѣдовательно проходитъ чрезъ всѣ вѣка до раздѣленія церквей. Нѣтъ прежняго дробленія главы на рядъ параграфовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ свойствамъ церкви и разнымъ сторонамъ церковной жизни. Недостаткомъ этого отдѣла является оставленіе въ тѣни таинственной стороны церкви. Наприм. даже въ § „ученіе апостоловъ“ (о церкви) только вскользь упоминается глубокое богословіе о церкви посланія къ Ефесянамъ и Колоссянамъ (даже не выписываются тексты отсюда, исключая Еф. 4, 11—13). Въ этомъ отношеніи учебничекъ архіеп. Антонія стоитъ выше его двухъ великихъ продолжателей.

Существеннымъ шагомъ въ разработкѣ ученія о церкви послѣ преосв. Сильвестра нельзя не признать изсѣдованіе проф.-прот. Свѣтлова „Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія“ (печатавшееся въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1902—1904 г.), гдѣ показано отношеніе церкви къ понятію царства Божія,—вопросъ, котораго доселѣ не касались догматики, но рѣшеніе котораго у автора допускаетъ принципіальныя возраженія.¹⁾

Эсхатологія—наиболѣе темная и опасная часть догматики, гдѣ, повидимому, меньше всего можно сказать догматисту. Но уже митр. Макарій показалъ, насколько можно освѣтить эту область привлеченіемъ сюда святоотеческаго матеріала. Преосв. же Сильвестръ едва ли какою-либо другою частью своей системы въ такой степени обнаружилъ

¹⁾ См. Никольскій, цит. соч., стр. 136 и д.

ною громадності сдѣланнаго для богословія св. отцами. Цѣлое море свѣта проливается иногда на самый темный пунктъ вѣроученія по данному вопросу однимъ словомъ или выраженіемъ того или другого изъ тѣхъ св. богослововъ, которые духомъ всегда жили болѣе въ вѣкѣ грядущемъ, чѣмъ въ настоящемъ. Въ качествѣ примѣра напомнимъ нѣсколько такихъ золотыхъ афоризмовъ. „Чтобы сіе чудное обиталище тварей не осталось навсегда исполненнымъ беззаконія, преидеть міръ сей“ (Кириллъ Іерус.)¹⁾. „У людей есть обыкновеніе одѣвать слугъ въ богатое платье для чести сына, когда ему надобно показаться въ свѣтѣ прилично своему роду; такъ и Богъ облачаетъ тварь нетлѣніемъ въ свободу славы чадъ“ (Златоустъ)²⁾. Тварь „подвергнется тогда своего рода тяжелой смерти, но лишь для того, чтобы возстать болѣе благолѣпною“ (Епифаній)³⁾. „Самая субстанція получить такія свойства, которыя чрезъ удивительное измѣненіе окажутся соответствующими тѣламъ безсмертнымъ“ (Августинъ)⁴⁾. Неудивительно, если преосв. Сильвестръ въ этой части догматики наиболѣе патристъ. И здѣсь онъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, возвыщается надъ своими предшественниками, изъ которыхъ архим. Антоній не имѣетъ здѣсь ни одной отеческой цитаты, а митр. Макарій достигаетъ здѣсь зенита въ своей „рубрицистикѣ“, указывая напр. 16 качествъ антихриста, 6 свойствъ воскресшихъ тѣлъ, говоря о воскресеніи по категоріямъ дѣйствительности, возможности и необходимости и т. п.

Вопреки обыкновенію и естественному соблазну комкать конецъ книги, особенно если она многотомна, у преосв.

¹⁾ Огл. 15.

²⁾ На Римл. бес. 8.

³⁾ Наег. 64.

⁴⁾ О градѣ Б. 20, 14.

Сильвестра эта заключительная часть его труда потребовала кажется наибольшаго труда, по крайней мѣрѣ наиболѣе самостоятельна. Эта самостоятельность здѣсь у него перешла даже границу: онъ не воспользовался кое-чѣмъ и цѣннымъ, сдѣланнымъ по этому вопросу его предшественниками. Напр. архим. Антоній удачно подчеркиваетъ, что „объ огнѣ, какъ главнѣйшемъ орудіи будущихъ мукъ грѣшниковъ, чаще всего говоритъ Св. Писаніе“ (стр. 270) ¹⁾, начинается изображеніе вѣчнаго блаженства текстомъ изъ Пс. 41 и 16: „Когда прииду и явлюся лицу Божію?“ „Насыщуся ввѣгда явитимися славѣ Твоей“. За митр. же Макаріемъ преосв. Сильвестру можно было бы послѣдовать напр. въ привлеченіи къ библейскому эсхатологическому матеріалу текстовъ: „Шедше научите вся языки“... „Сынъ человѣческій пришедъ обрящетъ ли си вѣру на земли“; „Да о имени Іисусовѣ всяко поклонится колѣно“... Хороши также мысли митр. Макарія, не повторяемыя преосв. Сильвестромъ, что антихристъ погибнетъ отъ дѣйствія Христа Спасителя, когда Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ (2 Сол. 2, 8), что истину воскресенія исповѣдывали св. мученики. Даже изъ небогатаго у митр. Макарія запаса отеческихъ свидѣтельствъ преосв. Сильвестръ почему-то опускаетъ такія цѣнныя мысли, какъ Златоуста о знаменіи—крестѣ при парусіи: „Для чего является сіе знаменіе? Для того, чтобы совершенно посрамить безстыдство іудеевъ. Ибо Христосъ придетъ на сей судъ, имѣя величайшее оправданіе крестъ, показывая не только раны, но и постыдную смерть“ ²⁾,—Тертуллиана, что наши тѣла чрезъ смерть теряютъ бытіе только для насъ, а не для Бога ³⁾, аргументъ

¹⁾ Хорошо у архим. Антонія выраженіе о вѣчности мукъ: „сія страшная истина а) внушается“ и т. д. стр. 271.

²⁾ На Мѣ. бес. 76. Пр. догм. бог. м. Макарія, т. V, 199.

³⁾ De ressur. car. 68 и д. Кир. Огл. 18. Богосл. т. V, 205.

послѣдняго суда у Златоуста: „Ежели не вѣришь нашимъ словамъ, спроси іудеевъ, еллиновъ, всякаго еретика; всѣ они какъ бы одними устами отвѣтятъ, что будетъ судъ и воздаяніе. А если не довольствуешься человѣческимъ свидѣтельствомъ, вопросы самыхъ бѣсовъ, и услышишь, какъ вопіють они: что пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ“ ¹⁾, „за ласковое слово, за одинъ вздохъ получимъ награду“ ²⁾, мысль Ефрема Сирина: „Многими обителями у Отца Спаситель называетъ мѣры разумѣнія водворяемыхъ въ оной странѣ“ ³⁾. Ослабляется аргументъ Кирилла Іерусалимскаго въ пользу воскресенія: „не знаешь ли ты, что рождаемся мы изъ слабыхъ, безобразныхъ и одновидныхъ веществъ“ ⁴⁾, такимъ перифразомъ: „возникновеніе напр. изъ безвиднаго сѣмени полного организма человѣческаго“ ⁵⁾. Русскихъ ученыхъ нѣмцы давно упрекаютъ въ недостаточномъ пользованіи трудами своихъ предшественниковъ, въ отсутствіи строгаго научнаго преемства.

Хорошо поступаетъ преосв. Сильвестръ, что въ этотъ трудный отдѣлъ догматики совершенно не вводитъ такъ называемыхъ „соображеній разума“. Этимъ онъ избѣжалъ такихъ напр. „соображеній“ митр. Макарія: Богъ „не престанетъ быть благимъ и тогда, когда грѣшники будутъ мучиться во адѣ; но только по отношенію къ нимъ будетъ дѣйствовать не по благодати своей“ ⁶⁾.

Характерна та смѣлость, съ которою преосв. Сильвестръ ставитъ послѣдней главою догматики вѣчныя мученія. Его ближайшіе предшественники (архим. Антоній,

¹⁾ На Рим. бес. 41. Богосл. т. V, 217.

²⁾ Тамъ же. Богосл. т. V, 218.

³⁾ О блаж. обит. Богосл. т. V, 261.

⁴⁾ Огл. 18. Богосл. т. V, стр. 207.

⁵⁾ Еп. Сильвестра, Богосл. т. V, 385.

⁶⁾ Т. V, 251.

архіеп. Филаретъ и митр. Макарій) въ данномъ случаѣ жертвуютъ естественнымъ порядкомъ (блаженство праведниковъ и мученіе грѣшниковъ), чтобы закончить утѣшительнымъ аккордомъ ¹⁾. Нельзя не признать, что второе изъ двухъ заключеній болѣе подходитъ для системы христіанскаго вѣроученія, которое есть благовѣстіе. Если же преосв. Сильвестръ такъ хотѣлъ остаться здѣсь прямолинейнымъ, то онъ могъ ослабить скорбное впечатлѣніе послѣднихъ страницъ, помѣстивъ на нихъ святоотеческія мысли, ортодоксально смягчающія идею вѣчныхъ мукъ. Таковыми намъ представляются напр. мысли: св. Иринея, что „блага Божіи вѣчны и безконечны и потому лишеніе ихъ вѣчно и безконечно“ ²⁾, Василия В., что „можетъ быть, страшнѣе тмы и вѣчнаго огня тотъ стыдъ, съ которымъ увѣковѣчены будутъ грѣшники, непрестанно имѣя предъ глазами слѣды грѣха“ ³⁾, Златоуста: „для имѣющаго чувство и разумъ быть отверженнымъ отъ Бога—значитъ потерпѣть уже геенну“ ⁴⁾; „лучше подвергнуться безчисленнымъ ударамъ молніи, нежели видѣть кроткое лице Господа, отъ насъ отвращающееся, и ясное око Его, не могущее взирать на насъ“ ⁵⁾.

Сказаннымъ кратко очерчено мѣсто преосв. Сильвестра въ русской богословско-догматической наукѣ. Но

1) Впрочемъ говорить раньше о вѣчныхъ мукахъ дается основаніе тѣмъ, что главное понятіе эсхатологіи—судъ, а прямое слѣдствіе суда—кара. Святые по библейскому взгляду стоятъ выше суда и „на судъ не придутъ“; судъ имѣетъ ихъ и ихъ вѣчную жизнь цѣлью своею.

2) Прот. ер. V, 27.

3) На Пс. 33.

4) На Рим. бес. 5.

5) На Мѣ. бес. 23.

преосв. Сильвестръ имѣеть право на почетное положеніе и въ европейской наукѣ. Будущей критикѣ предстоитъ оцѣнить это положеніе, выяснить м. пр. насколько самостоятеленъ преосв. Сильвестръ въ своей громадной работѣ. До него существовала за границей уже не одна солидная исторія догматовъ. Кромѣ стараго, но далеко не потерявшаго еще цѣны труда Діонисія Петавія, назовемъ Augusti, Baumgarten-Crusius'a, Münscher'a, Hagenbach'a Neander'a, Ebrard'a, извѣстнаго Baur'a, Nitzsch'a¹⁾. Если отсюда или изъ системъ догматики можно было чѣмъ-либо воспользоваться, то требовалась православная переработка до неузнаваемости. Скорѣе преосв. Сильвестру можно было поставить въ вину нѣкоторое пренебреженіе къ инославной литературѣ. По крайней мѣрѣ его догматика и для православнаго богослова далеко не дѣлаетъ излишнимъ ознакомленіе съ лучшими системами католическими и протестантскими, существовавшими до него и слѣд. открытыми для его пользованія (Martensen, Oettingen и др.).

Такое отношеніе къ иностраннымъ пособіямъ, безъ сомнѣнія, вызывалось у преосв. Сильвестра благоговѣніемъ къ православной истинѣ и твердою увѣренностью въ обладаніи ею. Отсюда понятна и еще одна черта его догматики.

Во всякой литературной работѣ, не исключая и научной, важенъ, кромѣ содержанія, и тонъ. Тонъ въ догматикѣ преосв. Сильвестра пріятно поражаетъ своимъ спокойствіемъ. У него нѣтъ полемическаго задору при встрѣчѣ съ невѣрными взглядами. Нѣтъ и того дѣланнаго лиризма, который

¹⁾ Преосв. Сильвестръ цитуетъ только Hagenbach'a, *Lehrbuch der Dogmengeschichte*, 1840, 1857 (о которомъ отзывается: „соч. болѣе другихъ замѣчательное“. Т. I, стр. 167) и Haag'a *Histoire de dogmes chrétiens*, Paris, 1862.

побуждалъ его русскихъ предшественниковъ заключать свои системы или отдѣлы ихъ благочестивыми восклицаніями, даже молитвенными.

И по тону, какъ и по содержанію, это вполнѣ научная догматика, и этимъ ей обезпечена вѣчная память.

М. Скабаллановичъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” – это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✓ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✓ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✓ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:**

info@axion.org.ru